

Беерот Ицхак

Ваешев • Микец • Ваугаш • Ваехи

Призыв и случай

Рав Яков Галинский

Тора или кугель?

По урокам рава Игаля Полищука

Что делать для возвышения души?

Рав Берл Набутовский

Свет Торы — свет души

Беерот Ицхак

Периодическое издание Фонда поддержки и распространения Торы «Беерот Ицхак» имени рава Ицхака Зильбера под руководством рава Игаля Полищука, главы русскоязычного отделения ешивы «а-Ран» в Иерусалиме

Главный редактор
рав Игаль Полищук

Редактор
рав Арье Кац

Технический редактор
рав Хаим Барух Либерман

Авторы, переводчики и составители

рав Александр Кац;

рав Берл Набутовский;

рав Пинхас Перлов;

г-жа Лея Шухман;

г-жа Хана Берман;

г-жа Рахель Кудрина; г-жа Адасса Швальб

В номере использованы и фото и графика из фотобанков pixabay.com, www.freepik.com, shutterstock.com и Wikipedia

5 € СТОИМОСТЬ ЖУРНАЛА
ВЗНОС НА ВЫПУСК СЛЕДУЮЩЕГО НОМЕРА

РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ВЗНОСОВ
И ПОДДЕРЖКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ФОНДА «БЕЕРОТ ИЦХАК»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ПЕРЕВОД

Beneficiary's Name: Keren Beerot Itzhak

Registration number: 580566917

Address: Tiferet Ramot 81/8, Jerusalem, Israel

Bank name: Bank Napoalim B. M.

Branch number: 538

Account number: 389-044

IBAN: IL69012538000000389044

SWIFT: POALILIT

БАНКОВСКИЙ ПЕРЕВОД ВНУТРИ ИЗРАИЛЯ

Банк Апоалим (12), Отделение Рамот (538)

Номер счета: 389-044, Имя: קרן בארות יצחק

По вопросам перевода с кредитной карты

в Израиле: +972(0)52 562 47 20

СИСТЕМА פלוס נדרים НОМЕР 1487

ОНЛАЙН ПЛАТЕЖИ НА BEEROT.RU

Яндекс.Деньги 410015076354740

PayPal paypal@beerot.ru

Наш новый Qiwi кошелек +79523858624

АДРЕС: רב יגאל פולישצ'וק, תפארת רמות 81/8, ירושלים

ТЕЛЕФОН +972 (0)2674 34 84

ФАКС +972 (0)2678 26 65

Е-МЭЙЛ: info@beerot.ru

ПОДПИСКА (возможна доставка на дом)

+972(0)52 562 47 20

www.beerot.ru/subscription/

ЗАКАЗ РЕКЛАМЫ

reklama@beerot.ru

Просьба строго следить за тем, чтобы издание не выносили в Шаббат в местах, где нет эрува.

Поскольку издание содержит святые слова Торы, оно требует уважительного обращения и генизы.

Все материалы журнала (в том числе и изданные в книгах) проходят обязательную редакционную проверку.

Допускается перепечатка материалов издания с обязательной ссылкой.

Распространяется в России
при поддержке КЕРООР

KEROOR.COM

Централизованная религиозная
организация ортодоксального иудаизма

Верстка
и дизайн: JEWISH PUBLISHERS

Издание и распространение еврейских книг
JewishPublishers.com

Просьба молиться
за полное выздоровление

Рахэль Леа бат Эстэр Хая

За возвышение души

Доры бат Давид

Мирьям бат Аарон Даташвили

Соня бат Файвел

Просьба молиться за полное выздоровление

Аарон (Арик Аркадий) бен Ривка

Просьба молиться за выздоровление

Йехезкель бен Шифра;

Галя Хая Браха бат Мира

Журнал посвящается светлой памяти

Хая Това бат Яаков Ури; Александр бен Наум;

Залман бен Григорий; Элька бат Моше;

Элиезер бен Шмуэль (Самуил);

Анатолий бен Шмуэль (Самуил);

Шмуэль (Самуил) бен Элиезер;

Шмуэль Леонид бен Анатолий;

Мария бат Гиль; Лена бат Йона

Содержание

Недельная глава

- 3 | Лакомства к субботнему столу
- 3 | Недельная глава Ваешев
- 5 | Недельная глава Микец
- 7 | Недельная глава Ваигаиш
- 9 | Недельная глава Ваехи

Изучение Мишны

- 12 | Трактат Шаббат. Глава седьмая

Актуальная дата

- 18 | Пост Десятого тевета
Рав Пинхас Перлов

Еврейское мировоззрение

- 21 | Тора или кугель: что такое истинное удовольствие?
По материалам уроков рава Игаля Полищука

Еврейский закон

- 24 | Что делать для возвышения души?
Рав Берл Набутовский

Еврейский дом

- 27 | «И построят Мне Храм»
Рав Шимшон Довид Пинкус

- 33 | Мамин дом
Рабанит Рут Цивён

Лакомства к субботнему столу

Недельная глава Ваешев

Караван с благовониями

Рав Яаков Галинский

«Караван ишмаэлитян идет из Гильада. Их верблюды были нагружены пряностями...» (Берешит, 37:25).

Как-то раз меня встретил рав Ицхак Видер, житель Бней-Брака. Рассказал мне историю об интересном деле в раввинском суде рава Шломо Клюгера из Бродов.

История такова. Попечителя общины вызвали к губернатору города. Такой вызов обычно не предвещал хороших новостей. И действительно, опасения подтвердились. Губернатор объявил, что армейская дивизия будет проводить тренировки в их области, и евреи города будут обязаны на время тренировок поселить у себя солдат — по одному-двум солдатам в каждой семье. У попечителя общины потемнело в глазах: чтобы в семье поселился солдат — грубый мужлан, который еще и ругается. Его придется кормить, улаживать — ведь если что не так, кто знает, как именно он выразит свое недовольство. А в доме — скромные еврейские девушки. Короче говоря, новость — хуже некуда. Но делать нечего, это приказ правительства. Попечитель собрал всех евреев, и сообщил им ужасную весть.

Все были в шоке. Но среди евреев были хасиды, которые тут же пришли в себя: «Обратимся к нашему ребе и будем умолять отменить тяжкий приговор!» Были там и *миснагдим* (противники хасидизма), которые отнеслись к этой идее недоверчиво, но, конечно же, не возражали.

К ребе пришли посланники, рассказали, в чем дело, и он спросил: «Сколько вы готовы заплатить, чтобы приговор был отменен?»

«Да любую цену, ребе!» Кроме духовного и морального вреда, ведь прокормить этих «гостей» тоже будет стоить больших денег!

«Хорошо, — сказал ребе, — я сейчас собираю деньги на важную заповедь — выкуп пленников. Если вы дадите мне тысячу золотых — будете спасены».

Хасиды были счастливы. Если разделить эту сумму на все семьи, это будет не так уж много. Они

вернулись в свой город и сообщили радостную новость. Хасиды обрадовались, а *миснагдим* сомневались. Хасиды были уверены в силе своего ребе, и поэтому предложили такой договор: пусть все заплатят свою часть, а если ребе не удастся отменить постановление правительства, хасиды вернут *миснагдим* их деньги!

От такого предложения невозможно было отказаться. Посланники вернулись к ребе с деньгами. Он обрадовался, и сказал, что в заслугу заповеди выкупа пленников, о которой сказано, что «нет более великой заповеди, чем эта», и в ней заключено огромное множество других заповедей (см. Рамбам, «Заповеди подарков бедным», гл. 8, алаха 10), они сами не будут пленниками солдат.

Через несколько дней попечителя общины снова вызвали к губернатору. Сообщили, что пришло официальное письмо, отменяющее предыдущий план. Тренировки не будут проходить в этой области, так что не нужно принимать солдат. Хасиды пели и плясали от радости. Какая разница — сам ребе совершил это чудо, или оно произошло в заслугу заповеди выкупа пленников, главное — что тяжкий приговор отменен.

Однако *миснагдим* решили не уступать. Они пошли сами к губернатору и попросили разрешения взглянуть на письмо. Внимательно изучили, и увидели, что послано оно было две недели назад, и просто задержалось в пути. Получается, что оно было написано еще до того, как хасиды побывали у ребе. А из этого следует, что не ребе совершил это чудо. Так что хасиды обязаны вернуть им деньги, что они и не замедлили потребовать.

Хасиды же стали утверждать, что ребе предвидел все заранее духом святого постижения, и отменил приговор в корне, еще до того, как он был оглашен. *Миснагдим* стали насмехаться над таким объяснением, и весь город просто закипел, как суп в котелке.

В итоге было решено обратиться к великому раву Шломо Клюгеру. Но прежде, представители *миснагдим* заявили: «Уважаемый рав, мы не ищем компромисса. Мы хотим знать мнение Торы, и каков источник вынесенного решения!»

Рав Клюгер выслушал претензии обеих сторон, и велел им вернуться на следующий день. *Миснагдим* напомнили: «Рав, только строгий закон Торы!»

Рав кивнул.

На следующий день они вернулись к раву Клюгеру. «Танах для вас достаточно убедительный источник?» — спросил рав.

Разумеется.

«Что ж, давайте проучим отрывок из Пророков (Шмуэль 2, 6). Царь Давид пожелал привести Ковчег Завета из Кирьят-Йеарим в Иерусалим. Уза взял Ковчег с недостаточным почетом, и Всевышний умертвил его. Давид испугался святости Ковчега, кто сможет вести себя с ним достаточно осторожно? И привез его в дом Оведа-Эдома гаттиянина, который был левитом и был достоин служить при Ковчеге. Увидел Давид, что дом Оведа-Эдома гаттиянина был благословлен из-за Ковчега Всевышнего, и перевез его в Иерусалим. До сих — сказанное в Пророках.

В трактате *Брахот* (63б) объясняется, что за благословение получил Овед-Эдом: это свекровь (т.е. его жена) и восемь ее невесток (жены ее восьми сыновей), которые родили каждая по шесть детей. Как сказано (*Диврей а-Ямим* 1, 26): «А у Оведа-Эдома восемь сыновей, ведь благословил его Всевышний, шестьдесят два у Оведа-Эдома». То есть — она и невестки родили по шесть детей, это получается пятьдесят четыре, и еще восемь взрослых сыновей — шестьдесят два.

А теперь давайте посмотрим: сколько времени длится беременность? Девять месяцев. Иногда бывает «краткий срок» — семь месяцев. А сколько времени Ковчег находился в доме Оведа Эдома? Сказано прямым текстом: «Ковчег Всевышнего был в доме Оведа-Эдома три месяца, и Всевышний благословил Оведа-Эдома, и весь его дом, и сказано было Давиду: благословил Всевышний Оведа Эдома и все, что у него есть, ради Ковчега Всевышнего, и пошел Давид, и с радостью перевез его в город Давида» (Шмуэль 2, 6:11–12).

Если они родили через три месяца, получается, постфактум, что забеременели за полгода до этого. Как же это доказывает, что дом Оведа-Эдома был благословлен благодаря Ковчегу Завета? Отсюда можно сделать единственный вывод: Всевышний готовит благословение и спасение заранее, в качестве награды за будущее деяние, а на деле награда приходит уже после самого доброго деяния.

Как было у Оведа-Эдома — так и в вашем деле. Вы дали деньги на выкуп пленных, ребе помолился, и пришло спасение. Даже если оно было подготовлено заранее — оно было подготовлено именно ради этой заповеди и молитвы!»

Действительно, этот принцип мы находим в иудаизме не раз. В трактате *Ктубот* тоже приводится история: один нищий пришел к Рабе. Тот спросил его: «Что ты привык кушать?» Ответил нищий: «Жирную курицу и старое вино». Сказал Раба: «А ты не боишься быть бременем для общины?» Ведь ты собираешь милостыню на проживание, кто разрешил тебе есть такую роскошную пищу за чужой счет? Ответил нищий: «Я что — ем за их счет? Я ем за счет Творца!» Ведь сказано: «Глаза всех обращены к Тебе, а Ты даешь им пропитание вовремя» (*Теилим*, 104:27). Сказано буквально «в его время», а не «в их времена», что подчеркивает, что каждому Всевышний дает его пропитание в нужное ему время. Тем временем к Рабе пришла в гости его сестра, которую он не видел уже тринадцать лет. Она принесла с собой жирную курицу и старое вино. Сказал Раба: «Что изменилось?» Комментирует Раши: какая необычная вещь произошла? Что она пришла сюда с курицей и вином, именно в нужный момент. «Ну, садись и ешь!» — сказал Раба нищему.

Здесь заканчивается история Гемары. А я спрашиваю: была одна женщина, которая удостоилась того, что ее брат был главой народа Израиля, главой Санедрина, самым большим еврейским мудрецом, умным и богатым, великим как в открытой части Торы, так и в скрытой. И она не видится с ним не год, и не два, а тринадцать лет! Почему? Наверное, жила очень далеко. А что случилось теперь? Наверное, очень соскучилась. Решила не придти с пустыми руками. Взяла с собой упитанную курицу и старое вино.

Когда она отправилась в путь? Несколько дней назад. Когда пришел нищий к Рабе? Несколько минут назад. Как же так получилось, что она пришла именно сейчас, именно в нужный момент и именно с подходящим подарком? Это доказывает, что Свьше готовят все заранее, чтобы человек получил это в нужный момент!

Однако, выводится ли этот принцип из Гемары, или из Пророков — нет ничего, на что не было бы намек в самой Торе. Где? В нашей недельной главе. В истории о продаже Йосефа.

Братья собираются убить Йосефа, по милости Небес, Реувен вмешивается и спасает его, уговаривает их бросить его в яму. Йеуда предлагает продать его проходящим мимо ишмаэлитянам.

Вроде бы цепочка случайных событий. И вот выясняется, что караван несет не зловонную нефть, а благоуханные пряности, чтобы праведник не страдал от плохого запаха, а, наоборот, наслаждался приятными ароматами.

Когда караван вышел из Гильада, когда они купили пряности, когда погрузили на верблюдов?

Но нужно помнить — Свыше готовят все, чтобы предоставить в нужный момент!

Перевод: г-жа Лея Шухман

От себя не убежишь

Рав Яаков Галинский

«И поселился Яаков в стране проживания своего отца, в стране Кнаан» (Берешит, 37:1).

Спрашивает «Мидраш Раба»: что сказано выше? «Вот цари, которые царствовали в стране Эдом еще до появления царей у сынов Израиля» (Берешит, 36:31). Похоже на человека, который увидел стаю собак, испугался их и сел вместе с ними. Так и наш праотец Яаков — когда увидел Эйсав и его вождей (о которых говорится в предыдущей главе), испугался их и «сел» — поселился — вместе с ними.

Автор книги «Сифтей Цадик» приводит слова своего деда, ребе из Гур, автора «Хидушей а-Рим», что Тора учит нас здесь: если человек видит, что беды окружают его, не дай Б-г, пусть не ищет, как сбежать от них, а «сядет среди них». То есть, поймет, что они посланы ему Свыше, найдет причину, почему они посланы, проведет самоанализ и улучшит свои пути, и примет страдания со смирением и любовью.

Ведь уже писал автор «Толдот Яаков Йосеф» от имени святого Бааль Шем Това, что тот, кто предпринимает все усилия избавиться от страданий, не понимая, что они посланы ему Свыше, подобен женщине, у которой начались родовые схватки, а она решила: «Ведь сказано: тот, кто меняет место, меняет свою судьбу. Перейду-ка я в другую комнату, может, боль пройдет...»

В книге «Шиурей Даат» (ч. 3, статья «Поколение Вавилонской башни») приводится пример о птице, от которой дурно пахло, и она все время старалась улететь

в другое место, чтобы очистить воздух. В итоге она все время проводила в перелетах с места на место — конечно же, совершенно бесполезно. Автор утверждает там, что тот, кто пытается изменить свою жизнь к лучшему любой ценой — просто пытается оторваться от Высшего Провидения.

Конечно же, всегда есть место приложить усилия что-то изменить, и в трактате Бава Меция (756) прямо сказано, что человеку, которому плохо в этом месте, следует уйти в другое место, а если он этого не делает — наносит себе вред. А в трактате Бава Кама (606) сказано: «Голод в городе — уноси ноги». И в Суккот, когда мы произносим «Пожалуйста, Всевышний, спаси нас», мы трясем лулав во все стороны... Это намекает, что, когда мы находимся в беде, нужно искать спасение со всех сторон.

Нет здесь четких определений, в каждом случае следует советоваться с мудрецами Торы, и «тот, кто просит совета у мудреца — не ошибется».

Стайплер однажды сказал мне: «Рав Яаков, человек не может убежать от самого себя». И рассказывал, что к нему пришел человек, который жаловался на злого, плохого соседа. Просил благословения Стайплера не переезд. Тот же посоветовал тому человеку молиться. Тем не менее, он в итоге не выдержал и поменял квартиру. А потом пришел к Стайплеру просить прощения: в новом доме соседи в сто раз хуже, и он еще больше страдает от них. Наверняка это из-за того, что не послушался указания рава не переезжать. Стайплер ответил ему: «Это не было указанием, и я вовсе не сердился на тебя. Это было простым пониманием: беды не приходят сами по себе, они приходят Свыше, и чтобы избавиться от них, нужно обратиться к Тому, Кто их послал. А если пытаются обойти Его и справиться самостоятельно — ну, ты видишь, каковы результаты...»

Перевод: г-жа Лея Шухман

Недельная глава Микец

Призыв и случай

Рав Яаков Галинский

«Но Биньямина, (родного) брата Йосефа, Яаков не отпустил вместе с (остальными) братьям, сказав: “Как бы не произошло с ним несчастье!”» (Берешит, 42:4).

Слово «произошло» (נִשְׁאַף) написано здесь с буквой *алеф*, т.е. это слово происходит от слова קָרָא — призыв, приглашение. Также сказано там (42:38): «Мой сын не пойдет с вами! Ведь его (родной) брат умер, и он остался у меня один. Если в пути

с ним **приключится** беда...» Слово «приключится» (וַיִּקְרָא) тоже написано с *алеф*. Однако, когда Йеуда повторяет слова отца Йосефу, которого считал египтянином, он говорит: «Наш отец, раб твой, сказал нам: “Если вы заберете у меня и этого сына, и с ним случится несчастье...”». Здесь то же самое слово וַיִּקְרָא написано без *алеф*, и мы переводим его, как «случится», поскольку подразумевается здесь случайность, слепой случай.

Какой глубокий смысл заложен в изменении этой одной буквы! Два слова — два мира! Какая бездна простирается между мировоззрением народов мира и мировоззрением нашего праотца Яакова, что нет

ничего случайного в мире, что все происходит под наблюдением, управлением и контролем Всевышнего, как сказано в «Мидраш Раба» (Ваикра, 22:3): «Любое существо может быть посланником Всевышнего: даже змей, даже лягушка, даже скорпион, и даже комар». Если Яаков пошлет Биньямина, а ведь сказано: «Когда человек в пути — он подвергается опасности» (Талмуд Йерушалми, Брахот, гл. 4, алаха 4), и сатан обвиняет в момент опасности (Шаббат, 326), то, не дай Б-г «может произойти несчастье». Однако нееврею не понять этого, поэтому, когда Йеуда повторяет главному министру фараона слова их отца, он говорит «с ним случится несчастье», поскольку в понятиях того есть лишь случай.

Об этом и пишет Раши (в начале книги Ваикра), что о Моше рабейну сказано: «И призвал (קָרָא) Всевышний Моше» — от слова «призыв, приглашение», а о злодее Бильаме сказано: *вайикар* (קָרָא), что означает — случай, т.е. Всевышний как бы случайно обратился к Бильаму. Ведь это его взгляд на мир, другого он не понимает. Как сказано об Амалеке — «который встретился (קָרָא) тебе в пути», что можно перевести как — «случайно встретился», или «остудил». Почему «остудил»? Потому, что такое мировоззрение «остужает» огонь Б-гобоязненности. А в «Мидраш Раба» (Шмот, 27:6) сказано, что Амалек был союзником фараона. Ведь таков был взгляд фараона: все чудеса, которые совершали Моше и Аарон, он объяснял колдовством. Даже о казни вшами, которую нельзя было объяснить таким образом, фараон и его прислужники сказали, что это, мол, стихийное бедствие, и случайно произошло именно сейчас. И даже рассечение моря Суф, где произошло двести пятьдесят чудес, они объяснили сильным восточным ветром (Рамбан, Шмот, 14:21).

А ведь вся цель истории выхода из Египта и ее чудес — раскрыть нам глаза, вывести нас из темницы фараонова мировоззрения. Именно это, говорит великий Рамбан, мы должны помнить все поколения: «Из великих открытых чудес (исхода из Египта) человек признает скрытые чудеса, которые являются основой всей Торы. Ведь нет у нас удела в Торе Моше рабейну, пока мы не поверим, что все, что с нами происходит, все, что случается — все это чудеса, и нет в этом ничего естественного, никаких обычных природных явлений, неважно, речь ли о многих, или об отдельном человеке. А просто: если человек будет выполнять заповеди — удостоится награды, если будет нарушать — его постигнет наказание, все по приговору Свыше!»

Наш праотец Яаков желал укоренить в нас это мировоззрение, сказав перед смертью: «Соберитесь

вместе, и я расскажу вам, что **произойдет** с вами в конце всех времен». (Берешит, 49:1). «Произойдет» (קָרָא) — написано с *алеф*. Он хотел рассказать, что произойдет в конце времен, подчеркивая, что произойдет это не случайно, это будет по «заказу» Всевышнему. Как сказано: «Человек не ушибет и палец внизу (в нашем мире), если об этом не объявят Наверху».

Я слышал от рава Хаима Шмулевича пример. Люди сидят и беседуют. Снаружи слышится громкий голос мегафона. Они сразу же замолкают и прислушиваются: что там объявляют, кто умер? (В религиозных общинах Израиля принято, что, когда человек умирает, заказывают специальную машину, на крыше которой установлен мегафон. Машина ездит по всему району, и повторяет, что умер такой-то, и похороны в такое-то время. Так все, кто его знали, смогут прийти на похороны — прим. пер.) В прежние времена, когда еще не было современных средств связи, власти объявляли свои указы посредством рупора, и когда бейт-дин выносил смертный приговор, перед осужденным шел человек с рупором и объявлял: «Такой-то сын такого присужден к казни удушьем за такой-то грех».

А теперь представьте, что в Бней-Браке стоит мегафон, и слышится объявление: «Внимание! Внимание! Такой-то сын такого-то — упал на улице Хазон Иш!»

Б-же упаси! И что случилось? «И ушиб палец!»

Объявлять об этом в мегафон?!

Тем не менее, мы находим в трактате Хулин (76): «Сказал раби Ханина: “Человек не ушибет и палец внизу, если об этом не объявят Наверху”». Не машина с мегафоном, а объявление во всех мирах!

Это и есть наше мировоззрение. Однако, как мы уже говорили ранее — между мировоззрением нашего праотца Яакова и министра фараона лежит пропасть. Пропасть между мировоззрением народа Израиля и фараона с Амалеком.

Как-то раз мне пришлось поехать в Тель-Авив по одному делу. Уладил все, слава Б-гу. Выхожу на улицу, а через полчаса у меня урок в Бней-Браке. «Владыка мира, пожалуйста, пошли мне такси».

Всевышний, как известно, «Царь благой и дарующий благо всем» — и хорошим, и плохим. И слышит молитвы каждых уст.

Останавливается прямо рядом со мной такси, пассажир выходит оттуда, а я сажусь! Ну, можно благословить «Благой и дарующий благо» — благой мне, и дарующий благо таксисту!

Я обратился к нему: «Смотри-ка, какое благо Творца: только один пассажир вышел — и сразу другой сел!»

Как он расчувствовался: «Верно, и сегодня это случилось уже третий раз! Иногда бывают “сухие” дни — едешь и едешь по дороге, и никто тебя не оставливает. Полный нуль. А бывают дни, как сегодня — один пассажир за другим!»

«Ну, ясно видно Высшее Провидение...»
«Да, как вы говорите — просто везет!»
Ну, пойдя, найди с ними общий язык...

Перевод:
г-жа Лея Шухман

Недельная глава Ваигаш

Б-жественная справедливость

По материалам уроков рава Игалья Полищука
Кульминация противостояния Йосефа и его братьев — самоотверженная речь Йеуды и раскрытие Йосефа. Что скрывается за словами Торы «и подступил Йеуда»? Урок правильного видения постигающих человека бед и пример истинной борьбы за установление Б-жественной справедливости. В чем суть риторического вопроса Йосефа: «Жив ли еще мой отец?»

Центральное место нашей недельной главы отводится самоотверженной речи Йеуды, после которой Йосеф открывается своим братьям. Но начало этой речи мы находим еще в предыдущем разделе. После того, как кубок был обнаружен у Биньямина, говорит Йеуда: «Что сказать нам нашему господину, что нам говорить и чем нам оправдаться! Б-г нашел вину за твоими рабами. Вот мы рабы моему господину, и мы, и тот, в чьих руках найден кубок» (Берешит, 44:16). Казалось бы, сам Йеуда утверждает, что нет слов оправдания, братьям нечего говорить, и они отдают себя в руки египетского властителя: «Б-г нашел вину». Раши со ссылкой на мидраш Берешит Раба (92) следующим образом поясняет эти слова: «Мы знаем, что не провинились (перед тобой), но Вездесущему угодно, чтобы это постигло нас. Кредитор нашел место (и время) взыскать с нас долг». У братьев нет сомнений, что все улики сфабрикованы египетским премьер-министром, всего его наветы ложны. При этом Йеуда видит за всеми злоключениями не искусно расставленные ловушки сумасбродного египетского царедворца, а руку Всевышнего. Это одна из основ еврейского похода к жизни, большой урок для всех поколений: во всем происходящем есть великий замысел Творца, и надо проявлять осторожность и не поддаваться соблазну считать происходящее случайностью, а искать истинные причины бед в своих проступках.

Наш великий учитель, раввин города Слуцк, рав Йехезкель Абрамский, автор комментария «Хазон Йехезкель» к Тосефте, в 1930 году был отправлен в ГУЛАГ, в Сибирь. Он пробыл там два года, жизнь его подвергалась большой опасности. Он сделал *хеибон нефеш*, самоанализ своих поступков,

и нашел одну причину, из-за которой он получил такое страшное наказание: когда-то он говорил об одном из комментаторов прошлых поколений недостаточно уважительно. Трудно представить себе духовный уровень человека, который, находясь в столь страшных условиях, искал причину случившегося, и нашел только это. Здесь кроется и еще один важный урок для нас — как важно уважать мудрецов Торы, чтобы, не дай Б-г, из наших уст не исходило легкое пренебрежение к ним!

Итак, после признания своего греха и справедливости наказания, братья соглашаются стать рабами египетского царедворца. Он же отвечает им: «Не пристало мне делать такое. Тот, в чьих руках найден кубок, будет мне рабом. Вы же взойдите с миром к отцу вашему» (Берешит, 44:17). Здесь заканчивается недельная глава Микец и начинается наша недельная глава Ваигаш. *Вайигаши* — «и подступил», приблизился к нему Йеуда и сказал: «О, господин мой! Дай же молвить рабу твоему слово» (Берешит, 44:18). И далее начинается очень глубокая, блестяще построенная дипломатическая речь Йеуды. Он вновь в нескольких словах излагает суть дела, взывает к разуму и милосердию безжалостного правителя Египта и выдвигает свои условия — он, Йеуда, остается в рабстве, а Биньямин возвращается домой к отцу. Опираясь на мидраш, Раши говорит, что практически в каждом слове Йеуды присутствует угроза. Что изменилось? Почему «не знающий, что сказать» Йеуда вдруг выступает с угрозой к могущественному министру? До этого речь шла о том, что все братья останутся рабами в Египте, но Йосеф пожелал оставить только Биньямина, а в соответствии с *даат Тора* (мнением Торы) Йеуды и остальных братьев, это противоречило сути мироздания. Братья участвовали в продаже Йосефа, и думая, что из-за греха, состоящего в том, что они не проявили милосердия, не сжалились над неразумным юношей, не пожалели отца, им полагается наказание, и они были готовы его нести. Но Биньямина не было среди них тогда, и он не участвовал в этом!

Наши мудрецы говорят, что выражение *вайигаши* («и подступил») употребляется в Торе в трех значениях: для обозначения человека, подходящего для умиротворяющего разговора, вступающего в бой или совершающего молитву. Видя, что Йосеф

не хочет отпустить Биньямина, Йеуда взывает к его разуму, детально описывая сложившуюся ситуацию. Но при этом он ясно дает понять, что готов к битве. И кроме этого, он «подступает» — обращается с молитвой к Творцу с просьбой изменить решение Йосефа.

Сказано: «Сердца царей — в руках Творца». Подобно этому, о встрече Якова с Эсавом написано в Торе: «И прошел он перед ними (перед женами и детьми). И поклонился он до земли семь раз (Всевышнему), пока не подступил к брату своему». На самом деле он поклонился не Эсаву, а Шехине, то есть склонился перед волей Всевышнего, сознавая, что это Творец поставил его в такое тяжелое положение. Великие праведники, обращаясь к могущественным людям в этом мире, на самом деле видели за их могуществом волю Творца. Например, Эстер, внешне обращаясь к Ахашверошу, в тот момент была полностью погружена в молитву к Всевышнему. Настолько, что говоря о негодяе Амане, который замыслил погубить наш народ, непреднамеренно показала на Ахашвероса.

Знание, что есть лишь один Б-г, и абсолютно все подчинено Его воле, дает человеку невероятную силу изменять природу вещей. Наш великий учитель рав Хаим из Воложина в книге «Нефеш а-хаим», в двенадцатой главе третьего раздела говорит примерно следующее: если человек сосредотачивается на ощущении, что нет и не может быть в мире никакой иной силы, кроме Б-га, то никакая земная сила не имеет над ним власти. Такое ощущение соответствует очень высокому уровню близости ко Всевышнему. Осознание и принятие в сердце прямого влияния (*ашгах*) Всевышнего на нашу жизнь приводит к приобретению человеком качества *битахон* (упования на Творца). Обычно человек живет, погруженный в земные дела и заботы, но в момент опасности, если он сможет сконцентрировать все свои душевные силы на том, что ничто не может ему навредить, если не будет на это воли Творца, — он спасется, он действительно будет выведен из-под власти всех других (зависимых от Всевышнего) сил этого мира. «Г-сподь — свет мой и спасение мое. Кого бояться мне? Г-сподь — опора жизни моей. Кого страшиться мне? Когда приблизились ко мне злодеи, чтобы пожрать плоть мою, противники мои и враги мои, — они-то споткнулись и упали» (Теилим, 27). Всевышний правит этим миром по принципу *мида кенегед мида*, «мера за меру». Если человек считает, что он зависит от кого-то другого, то Всевышний отдает его под власть таких людей. Тот, кто сбрасывает ярмо Царя всех царей, становится рабом

царей из плоти и крови. Но если человек освобождается от оков чуждых иллюзорных зависимостей — его жизнь напрямую управляется Всевышним, а это и есть истинная свобода.

Именно с таким ощущением, что Творец — единственный властитель, подошел к правителю Египта Йеуда. Он знал за собой один грех — продажу Йосефа, у Биньямина же не было греха. Не было истинной причины для того, чтобы оставить его брата рабом в Египте, и потому Йеуда молился, просил и был готов воевать за установления в мире Б-жественной справедливости.

При внимательном прочтении истории противостояния Йосефа и его братьев, можно увидеть много знаков, по которым братья могли догадаться, что наместник фараона — Йосеф. Он знал их имена, знал возраст, при встрече с Биньямином — знал, что мама его умерла. Кроме того, как рассказывает Мидраш, Йеуда в беседе с Йосефом топнул ногой так, что весь дворец задрожал, и Йосеф решил так же показать свою силу — он пнул ногой мраморный столб, который служил основанием его трона, и столб превратился в груды осколков. Йеуда тогда сказал, что это сила дома его отца: он признал силу, но не узнал брата. Братьям много раз приходится кланяться Йосефу — правителю Египта, но им не приходит в голову, что таким образом исполняются пророческие сны их младшего брата. Братьям было невероятно трудно признаться, что в их суде над Йосефом они были неправы. Они сожалели о содеянном в силу того, что нужно было проявить милосердие и сострадание к отцу, любящему Йосефа всем сердцем, сжалиться над братом, желающим властвовать (как они себе представляли). Но допустить мысль, что изначально сны Йосефа не были его фантазией, и он не желал им зла, они не могли.

И вот Йосеф признается. Согласно Мидрашу, Йосеф говорит братьям, что их брат, которого они считали мертвым, жив и находится в его дворце, и он готов позвать его. Зовет — и никто не приходит. Это намек, но он не воспринимается братьями. Йосеф признается: «Я — Йосеф!», но и после этого братья не верят. Только показав *брит мила*, Йосеф убеждает их. «Я Йосеф. Жив ли еще мой отец? И не могли его братья ответить ему, ибо оторпели они пред ним» (Берешит, 45:3). Вопрос Йосефа «жив ли еще мой отец?» — это не вопрос, а упрек: как мой отец смог перенести мое исчезновение? Это рушит все аргументы защитной речи Йеуды, в том числе и основной призыв к милосердию: старик-отец не переживет потери Биньямина. Своим вопросом Йосеф ставит братьев лицом к лицу

с их собственным действием. Величайшие праведники увидели и познали всю глубину и тяжесть своего греха. В вопросе Йосефа братья услышали: «как я, так и Биньямин были любимыми детьми отца, почему вы не пожалели меня так, как жалуете сейчас Биньямина? Почему вы не пожалели отца?» Вы бросили любимого ребенка Якова в колодец, хотели его убить, продали в Египет, вы повергли отца в невероятные страдания, которые длились 22 года. Из-за скорби Якова покинула Шехина, ушел от него дух пророчества. Когда сказали Якову, что Йосеф жив, то говорится, что Яков ожил. То есть все те 22 года Яков-авину был как будто мертв! Увидели братья, насколько велик их грех, и «не могли его братья ответить ему». Согласно мидрашу, души оставили их тела от упрека Йосефа, от осознания своего поступка. Окончательное исправление греха братьев завершилось

в будущих поколениях, в жизни их праведных потомков. В Йом Кипур мы читаем тяжелую историю о десяти величайших мудрецах и праведниках, казненных римлянами, и говорят наши мудрецы, что их мучительная смерть была искуплением греха продажи Йосефа.

Об упреке Йосефа его братьям мудрецы говорят: горе нам в день Суда, горе нам в день упрека. Если так поразил праведных братьев Йосефа его упрек, упрек человека, то что будет с нами, когда мы предстанем перед Всевышним, когда мы выслушаем Его упрек? Но с другой стороны, если Йосеф, вовлекая братьев в эту «игру», заканчивающуюся упреком им, ставил целью привести их к раскаянию и исполнить пророчество Творца на благо своей семье, то тем более сам Всевышний упрекает нас, только чтобы исправить Своих детей и дать нам истинное добро.

Подготовила: г-жа Рахель Кудрина

Недельная глава Ваехи

Комментарии Рамбана к недельной главе Ваехи Яков остается в изгнании

«И жил Яков в земле Египта семнадцать лет...»

(Берешит, 47:28).

Я уже упомянул, что спуск Якова в Египет является прообразом нашего изгнания — и вот, сегодня мы находимся в лапах «четвертого зверя», злодейского Рима.

Сыновья Якова, продав своего брата Йосефа, тем самым положили начало цепи событий, которая привела их в Египет. И когда вся семья спускалась в Египет из-за голода, Яков надеялся спастись там — в стране фараона, который любил его сына Йосефа, как своего собственного. И они рассчитывали уйти оттуда, как только завершится голод в земле Кнаан, ведь сказано: «Мы пришли *пожить* в этой стране, ибо нет пастбищ для овец у рабов твоих, потому что тяжел голод в земле Кнаан» (Берешит, 47:4). Но они не вернулись в Кнаан, а остались в изгнании. И Яков умер там, а в землю Кнаан возвратили только его останки — и траурную процессию сопровождали старейшины фараона и его сановники, и устроили по нему великий траур.

И так же было у нас с «четвертым зверем» — царством Эдома. Наши братья, заключив союз с Римом, сами положили начало цепи событий, которая впоследствии привела римлян в Землю Израиля, и страна была отдана им в руки. И Агрипас, последний царь периода Второго Храма, бежал к ним за помощью. И жители Иерусалима были вынуждены

сдать город из-за страшного голода. И это изгнание продолжается бесконечно долго, и мы не знаем, когда придет ему конец. ...И мы в этом изгнании подобны мертвецам (как бы подобны Якову, умершему в изгнании), и наши кости уже иссохли. ...Но «приведут всех наших братьев из всех стран в дар Г-споду на конях и колесницах, и на повозках, и на мулах, и на верблюдах ... в Иерусалим, ... подобно тому, как сыны Израиля дар в чистых сосудах в Дом Г-спода». И когда народы увидят наше величие, для них наступит великий траур. А мы станем свидетелями отмщения <нашим притеснителям, которое придет> от Б-га, — и мы оживем и «будем жить перед Ним».

Клятва Йосефа

«И сказал (Яков): «Поклянись мне!» — и тот поклялся ему...» (Берешит, 47:31).

Яков не подозревал своего праведного и любимого сына в том, что он может не выполнить повеление отца — тем более, что Йосеф уже обещал ему, сказав: «Я сделаю по твоему слову» (Берешит, 47:30). Но Яков взял с сына клятву для того, чтобы сделать свой наказ более весомым в глазах фараона — чтобы Йосеф имел сильный довод на тот случай, если фараон не разрешит ему отлучиться из Египта. ...И также могло случиться, что фараон захочет похоронить праведника в своей столице, чтобы оказать почет Йосефу и его братьям.

И поэтому-то Яков попросил Йосефа поклясться — ведь фараон не станет вынуждать его нарушить данную отцу клятву. Да и сам Йосеф благодаря этой клятве должен будет проявить большее

рвение в выполнении воли отца. И так и было — фараон сказал Йосефу: «Поднимись (в страну Кнаан) и похорони своего отца, как ты ему поклялся» (Берешит, 50:6).

Борьба за пещеру Махпела

«...На поле, которое купил Авраам у Эфрона в собственность для погребения. Там похоронили Авраама и Сару, его жену, там похоронили Ицхака и Ривку, его жену, и там похоронили Лею» (Берешит, 49:30–31).

Сказано **«в собственность для погребения»**, чтобы подчеркнуть: по замыслу Авраама эта пещера должна стать местом захоронения для его рода на вечные времена. Но ниже, где написано: «И похоронили его в пещере поля Махпела, ...которое купил Авраам в собственность для погребения...» (Берешит, 50:13), — имеется в виду, что с захоронением Яакова этот замысел праведного Авраама полностью воплотился, так как он приобрел эту пещеру именно для трех пар, и после этого там уже никого не хоронили.

И поэтому-то Йосеф и не завещал, чтобы его погребли вместе с его отцами. В «Мехильте» раби Шимона бар Йохая указано, что Йосеф завещал своим сыновьям так: «Когда мои кости перенесут в Землю Израиля, пусть похоронят меня там, где захотят, так как я знаю, что меня не внесут в пещеру моих отцов, ибо там должны быть погребены только четыре пары [включая первых людей — Адама и Хаву], как сказано: “Там похоронили Авраама и Сару...”, и сказано: “Похорони меня в гробнице, которую я предназначил для себя в земле Кнаан” (Берешит, 50:5) — на Яакове это пресекается».

И возможно, Яаков сказал: **«...там похоронили Лею»**, чтобы подчеркнуть, что его семья уже приобрела право на эту погребальную пещеру. Он указал на это, чтобы отвести притязания Эсава и его сыновей, которые могли бы предъявить претензии на семейный склеп, заявив, что Эсав был первенцем, и поэтому именно его следует похоронить вместе с праотцами. И хотя Эсав покинул Кнаан и ушел в другую страну, все же, если бы он захотел, чтобы его погребли вместе с его святыми предками, его останки могли бы привезти оттуда — так же, как сыновья перевезли из Египта останки Яакова. Но если бы в пещере Махпела похоронили Эсава, то она бы уже не подходила для Яакова, так как семья этих двоих не могут быть погребены в одном месте. И именно поэтому Яаков сказал: **«...в гробнице, которую я предназначил для себя в земле Кнаан»**, — т.е. «в гробнице, на которую я уже приобрел право».

И поскольку сыновьям Яакова были известны дурные замыслы Эсава и его сыновей, с ними «взошли также колесницы и всадники» (там же, 50:9). И не напрасно — в исторической хронике Йосефа Бен Гуриона и в других древних книгах описывается, как Цефо, сын Элифаза и внук Эсава, вступил с сыновьями Яакова в спор за право на Махпелу и как произошла вооруженная стычка, в которой победили люди Йосефа. Цефо и некоторые из его воинов были схвачены и отведены в Египет, и там они были в заточении до смерти Йосефа. А затем Цефо удалось бежать — он отправился в землю Канфания, а впоследствии стал царем над народом **«китим»**, населявшим Рим. И он был первым царем этого города и построил в Риме первый большой дворец. А в конце своих дней Цефо стал царем над всей землей Италии. И наши наставники тоже упоминают, что Эсав предъявлял свои претензии на пещеру, и за право на нее велась борьба.

«Наш праотец Яаков не умер»

«И окончил Яаков завещать своим сыновьям, и поднял свои ноги на ложе, и скончался, и был приобщен к своему народу» (Берешит, 49:33).

«И скончался» (יָמָו — *вайигва*) — но о нем не сказано, что он «умер» (מָת — *мэт*), и поэтому наши наставники говорили: «Наш праотец Яаков не умер». Так комментирует Раши.

Но ведь и сам Яаков, предупреждая о своей приближающейся смерти, сказал Йосефу: «Вот, я умираю (מָת — *мэт*)» (Берешит, 48:21), — и возможно, он не знал, что именно его ожидает, или он сказал так, чтобы избежать излишнего прославления. Но ведь и дальше написано: «И увидели братья Йосефа, что их отец умер (מָת — *мэт*)» (там же, 50:15), — и может быть, он «умер» только по их мнению, так как они не понимали истинного положения вещей.

[Утверждение, согласно которому «праотец Яаков не умер», приведено в Талмуде от имени раби Йоханана. И там сразу же следует возражение: «Но ведь по Яакову совершили поминальный обряд (см. Берешит, 50:10), его тело набальзамировали (там же, 50:2) и погребли (там же, 50:13)?!». В ответ в качестве доказательства приводится пророчество Ирмеи, относящееся к избавлению народа Израиля из изгнания: «И ты не бойся, раб Мой Яаков, — сказал Г-сподь, — и не страшись, Израиль, ибо вот, спасу Я тебя издадека, и потомство твое — из страны их пленения...». И толкуется: как потомство Яакова живо, так и он сам жив (Таанит, 5б; см. также Зоар, Ваехи, 248б). А Раши поясняет: «Им (т.е. совершившим поминальный обряд и похоронившим Яакова) только казалось, что

он умер, но он был жив — ...и он останется в живых навсегда» (Раши наши останется в живых навсегда) он сам жив.и и погребли? Таанит, 56).]

И в этом предании наших наставников подразумевается, что души праведников «завязаны в узел жизни у Г-спода». [Раби Йонатан Бен Уziel поясняет, что в выражении «узел жизни» (צֶרֶר א-חַיִּים) подразумевается «хранилище душ» у Престола Славы Всевышнего, где души праведников «сберегаются для вечной жизни», ожидающей их в Грядущем мире (Таргум и Радак на Шмуэль 1, 25:29). И этот Мир Душ мудрецы называют также «Метивта де-Ракиа» (Небесная Ешива), так как именно там души постигают законы высших миров (Бава меция, 85б).

В Талмуде говорится, что в течение двенадцати месяцев после смерти человека его душа «поднимается и спускается», а после двенадцати месяцев «душа поднимается — и уже не спускается» (Шаббат, 152б). В книге Шаар а-Гмуль Рамбан поясняет, что «на протяжении двенадцати месяцев все еще сохраняется энергия тела, и душа склонна к тем понятиям и поступкам, которые были ей свойственны, когда она состояла в союзе с ним, — она возвращается к своему земному мышлению, и, несмотря на то, что она “поднимается”, познавая Мир Душ, она все еще “спускается” к своему прежнему состоянию. Но после двенадцати месяцев она поднимается над своими земными понятиями и облачается в духовность ангелов, и коронуется короной Грядущего мира» (Шаар а-Гмуль, 86; см. русский перевод: «Врата воздаяния», изд. Швут Ами, с. 85). И в этом Мире Душ, согласно пояснению Рамбана, «есть уровень постижения, который наши наставники образно называют Ган (Сад), и еще более высокий уровень постижения, называемый Эден (Наслаждение), и он также называется Церор а-хайим (Узел жизни), — но тайна этого глубока и надежно сберегается в руках хранителей веры» (Шаар а-Гмуль, 85; см. «Врата воздаяния», с. 83).] Творец всегда покровительствует им, и их души «не остаются обнаженными», но облачаются во «вторые одежды» [В книгах Кабалы объясняется, что души праведников, которые сберегаются в «узле жизни», могут облачаться во «вторую одежду» — некую оболочку, имеющую форму земного тела, но состоящую из более тонкой материи, чем оно. И в этой «второй одежде» они могут появляться в нижнем мире — среди живых (Рабиэну Бхайе на Берешит, 49:33; Перушей а-Тора ле-Рамбан, Берешит, 49:33).] — либо постоянно, как душа Яакова, либо на определенное время. [Души праведников облачаются во «вторые одежды» только для того, чтобы выполнить какое-либо поручение Творца в нижнем мире. Но по возвращении в «узел жизни»

они «снимают эти одежды и остаются обнаженными». Но душа праотца Яакова постоянно облачена в тело из тонкой материи — и поэтому мудрецы сказали, что «праотец Яаков не умер». Однако его «первые одежды» — т.е. тело, состоящее из грубой материи, действительно, было набальзамировано и погребено, как и указано в соответствующих строках Торы (Рабиэну Бхайе на Берешит 49:33; Перушей а-Тора ле-Рамбан, Берешит, 49:33; см. также выше — комментарий к Берешит, 18:1).] И указание на эту сокровенную тайну содержится в трактате Шаббат и в трактате Ктубот [Так, в трактате Шаббат рассказывается, как некие землекопы по неведению наткнулись на подземный склеп, в котором был захоронен раби Ахай бар Ошия. И хотя со времени его смерти прошло много десятилетий, из склепа раздался голос, который предостерег их, чтобы они не тревожили его покой. Перепуганные землекопы привели на это место рава Нахмана, одного из величайших мудрецов того поколения. Увидев раби Ахая, рав Нахман с недоумением спросил у него: «Разве не написано (Коэлет, 12:7): “И прах возвратится в землю, ...а дух возвратится к Б-гу, который его и дал”?». Ответил ему раби Ахай: «Мой господин знает книгу Коэлет, но, очевидно, не знаком с книгой Мишлей, а ведь в ней сказано: “Кроткое сердце оживляет плоть, а из-за вожделения сгнивают кости” (Мишлей, 14:30)» — т.е. тела тех, кто преодолел при жизни свои вожделения, не только не разлагаются, но и сохраняют постоянную связь со своей душой. И тогда рав Нахман, ощутив «тело» раби Ахая, убедился, что оно обладает плотностью, и спросил: «Почему же мой господин не возвращается в свой дом?!». Ответил ему раби Ахай: «Я вижу, что мой господин не знаком не только с книгой Мишлей, но и с книгами Пророков, а ведь в них написано: “И узнаете, что Я — Г-сподь, когда Я открою ваши погребения, Мой народ, и когда подниму вас из ваших гробниц” (Йехезкель, 37:13)» — но до всеобщего воскресения из мертвых умершие праведники не могут возвратиться в свои дома (Шаббат, 152б, Раши).

В трактате Ктубот рассказывается, что глава Санедрина раби Йеуда Анаси после смерти приходил к своей семье каждый канун Шаббата и совершал субботний кидуш (Ктубот 103а, Раши и Маарша).]

Редакция «Беерот Ицхак» выражает глубокую признательность переводчику раву Александру Кацу, редактору раву Цви Патласу и издательству «Пардес» за право пользоваться их переводом комментария Рамбана на русский язык.

Трактат Шаббат

Глава седьмая

Мишна вторая

От редакции. До конца данной мишны мы публикуем продолжение комментария «Дополнительная душа».

אָבוֹת מְלֵאכוֹת אַרְבָּעִים חֶסֶר אַחַת. הַזֹּרֵעַ. הַהוֹרֵשׁ. הַקּוֹצֵר. וְהַמְעַמֵּר. הַדָּשׁ. וְהַזֶּרֶה. הַבּוֹרֵר. הַטּוֹחֵן. וְהַמְרַקֵּד. וְהַלֵּשׁ. וְהַאֹפֶה. הַגּוֹזֵז אֶת הַצֶּמֶר. הַמְלַבֵּן. וְהַמְנַפֵּץ. וְהַצּוֹבֵעוּ. וְהַטּוֹזֵה. וְהַמְסִיךְ. וְהַעוֹשֶׂה שְׁנֵי כְּתִי בִּירֵין. וְהַאֹרֵג שְׁנֵי חוּטִין. וְהַפּוֹצֵעַ שְׁנֵי חוּטִין. הַקּוֹשֵׁר. וְהַמְתִּיר. וְהַתּוֹפֵר שְׁתֵּי תְּפִירוֹת. הַקּוֹרֵעַ עַל מְנַת לְתַפֵּר שְׁתֵּי תְּפִירוֹת. הַצָּד צְבִי. הַשּׁוֹחֵטוֹ. וְהַמְפָּשִׁיטוֹ. הַמּוֹלֵחַ וְהַמְעַבֵּד אֶת עוֹרוֹ. וְהַמּוֹחֵקוֹ. וְהַמְחַמְכוֹ. הַכּוֹתֵב שְׁתֵּי אוֹתִיּוֹת. וְהַמּוֹחֵק עַל מְנַת לְכַתֵּב שְׁתֵּי אוֹתִיּוֹת. הַבּוֹנֵה. וְהַסּוֹתֵר. הַמְכַבֵּה. וְהַמְבַּעֵיר. הַמְפַּה בַּפִּטִּישׁ. הַמוֹצִיא מְרֻשָּׁת לְרֻשׁוֹת. הָרִי אֵלֶּי אָבוֹת מְלֵאכוֹת אַרְבָּעִים חֶסֶר אַחַת:

Основных работ (авот мелахот) — сорок без одной. Сеет и пашет, и жнет, и собирает в снопы. Молотит и веет. Перебирает. Мелет и просеивает, и замешивает тесто, и выпекает. Стрижет шерсть. Выбеливает ее и растрепывает ее, и красит ее, и прядет, и натягивает продольные нити, и делает две петли в рамках ткацкого станка, и тклет две нити, и распускает две нити. Завязывает и развязывает, и сшивает двумя стежками. Рвет для того, чтобы сшить двумя стежками. Ловит оленя. Зарезает его и снимает с него шкуру. Солит и выделяет его шкуру. Скоблиет ее и разрезает ее. Пишет две буквы и стирает для того, чтобы написать две буквы. Строит и разрушает. Тушит и разжигает. Ударяет молотком. Выносит из одного владения в другое. Вот эти основные работы — сорок без одной.

Комментарий рава Овадьи из Бартенуры

Сеет и пашет — здесь не написано сначала «пашет» א, а потом уже «сеет» ב, как это принято делать. Из этого мы учим, что, даже если земля очень твердая, и, перепахав ее и посеяв в нее, ее вновь перепахивают, второе пропахивание тоже считается запрещенной работой «пашет».

Жнет — это относится к зерновым. Но и собирающий с деревьев плоды тоже совершает запрещенную работу «жнет» ג.

Собирает в снопы — собирает уже сжатые зерновые и складывает их в одно место ד ה.

Веет — бросает лопатой по ветру ו. **Перебирает**, удаляя отходы руками или через сито ז ח. **Просеивает** через решето ט. Все эти три работы имеют единое назначение — все они выполняются для того, чтобы отделить отходы от еды. Но, поскольку все три работы выполнялись в Скинии Завета, каждая из них считается отдельной работой — пусть они и похожи между собой. Еще одна причина — они не совершаются вместе, а делаются последовательно, одна за другой יו ייא.

Выпекает — такой работы не было в Скинии, так как выпекают лишь хлеб, а хлеб при возведении Скинии не выпекали. Просто в мишне представлен порядок изготовления хлеба. Однако работа «варит», подобная работе «выпекает», совершалась и для возведения Скинии, когда изготавливали снадобья для окраски шерсти в цвет *тхелет*, а также в пурпурный и багряный цвета. Тот, кто помешивает в кастрюле или кладет крышку на кастрюлю, стоящую на огне, совершает работу «варит» יב. И все предыдущие работы, перечисленные в этой мишне, — «сеет», «жнет», «молотит» и т.д. — все они выполнялись при изготовлении красителей для Скинии יג.

Стрижет шерсть — эта и все другие работы по обработке шерсти нужны были для изготовления шерсти *тхелет*, которую использовали при возведении Скинии יד יו.

Выбеливает ее — стирает в реке יז.

Растрепывает ее — бьет ее палкой, а также расчесывает ее гребнем יח יט יו.

Натягивает продольные нити — на старофранцузском языке «ордир» כא.

Делает две петли в рамках ткацкого станка — продевание двух нитей в кольца на рамках כב כג.

Распускает — выплетает продольные нити из поперечных или поперечные из продольных для того, чтобы ткать дальше כד.

Завязывает и развязывает — ловцы *хилазона*, из которого изготавливают краситель для *тхелет* כה, завязывают כו и развязывают כז. Ведь, поскольку иногда нужно взять веревки из одной сети и добавить их в другую, их отвязывают от одной и привязывают к другой.

Сшивает ...рвет — это тоже при изготовлении полотнищ 27. Ведь если полотнище проела моль, проделавшая в нем маленькое круглое отверстие, нужно разорвать ткань выше и ниже этого отверстия, чтобы при зашивании не было складок 28. **Сшивает двумя стежками** и завязывает, ведь если он не завяжет, соединение не сохранится. При этом он совершает две запрещенные работы — и завязывает, и сшивает.

Ловит оленя — все работы, связанные с выделкой кожи, совершались для обработки шкуры *тахашей* 29 30 31 32 33.

Солит и выдывает его шкуру — в Гемаре (756) задан вопрос: «Ведь засаливание — это и есть выделка?» 34. И отвечают: действительно, следует убрать из перечня одну из этих двух работ и добавить вместо нее «размечает», так как разметка — это тоже одна из основных работ 35.

Скоблит ее — соскребают волосы 36.

Разрезает ее — рассекающий и разрезающий ее на ремни и для сандалий 37.

Пишет ...и стирает — при изготовлении Скинии подписывали брусья, чтобы знать, какие из них парные. Писали букву на одном брусе и букву на другом 38, а порой, когда ошибались, то букву стирали 39 40 41.

Тушит и разжигает — огонь разводили под чаном с красителями 42 43.

Ударяет молотком — это завершение изготовления предмета. Так мастер, завершая работу, ударяет по наковальне. Поэтому запрещенная работа «ударяет молотком» совершается, когда завершают изготовление предмета 44 45.

В начале мишны уже названо общее число: «Основных работ — сорок без одной», а затем все работы перечислены по порядку. Это сделано для того, чтобы научить: даже если человек сделает все работы, существующие на свете, в одном забвении и за один Шаббат, он не будет обязан принести больше, чем сорок [без одной] грехоочистительных жертв. Ведь все остальные работы являются производными от этих основных. А когда он сделал основную работу и производную от нее, он обязан принести лишь одну жертву 46 47.

Комментарий «Дополнительная душа»

42 Работа «тушить»

Работа «тушит» (תִּשְׁכֵּחַ — *махабэ*) заключена в тушении огня для того, чтобы воспользоваться углями.

При изготовлении Шатра Откровения эту работу совершали ради того, чтобы получить угли для выплавки золота и других металлов. И точно так же как разрушающий строение ответственен по закону Торы, только если разрушает, чтобы строить на этом

месте или вновь использовать тот же строительный материал, так и гасящий огонь совершает работу «тушить», только если тушит, чтобы снова разжечь или воспользоваться углями — как и при изготовлении Шатра (Шаббат, 316, Тосафот; «Мишна Брура», 334:84–85). Поэтому в данной мишне сначала названа работа «тушит», а потом уже — «разжигает».

Но Рамбам указывает, что тот, кто тушит огонь (даже совсем чуть-чуть), в любом случае ответствен по закону Торы за совершение работы «тушить» (Рамбам, «Шаббат», 12:2) — даже если он не собирается снова разжигать и ему не нужны угли («Мишна Брура», 334:84). Да и при изготовлении Шатра тоже тушили огонь, на котором вываривали красители из растительного сырья (Раши, Шаббат, 73а) — и возможно, тушили просто для того, чтобы потушить.

Поэтому запрещено тушить или уменьшать любой огонь — и даже если возник пожар. Но если есть опасность, что из-за пожара опасность угрожает жизни людей, тушить разрешено («Шулхан Арух», 329:1). Законоучители последних поколений отмечают, что в наше время, если в доме возникает пожар, его следует тушить, так как в большинстве случаев может возникнуть опасность для жизни (Рамо, 334:26, «Мишна Брура», 74). Ведь в многоквартирном доме огонь способен быстро распространиться на другие квартиры, где могут оказаться старики, больные или маленькие дети, которые не в состоянии покинуть дом. И даже если пожар возникает в многоквартирном доме, все же из-за плотной застройки огонь может перекинуться и на другие дома, где, возможно, есть беспомощные старики или дети. В связи с этим разрешено не только тушить самим, но и вызывать по телефону пожарную команду. При этом не следует опасаться, что кто-либо другой уже туда позвонил. И даже если впоследствии выяснится, что несколько человек по отдельности позвонили, каждому из них будет дарована за этот поступок награда с Небес за заботу о спасении человеческих жизней. И разрешено отключить электричество во всем доме, чтобы не воспламенилась проводка («Кицур Илхот Шаббат», 38:12; «Шмират Шаббат ке-Илхата», 41:1/2; «Мишнат а-Шаббат», 40:2:2/14/).

Однако если существует полная уверенность, что пожар не приведет к опасности для жизни людей, то тушить запрещено (Рамо 334:26). И, тем не менее, если огонь может причинить серьезный убыток, разрешено косвенным образом способствовать тому, чтобы он не распространился и постепенно угас (Рамо 334:22, Рамо). Так, например, если загорелась одна сторона шкафа, можно поливать водой на вторую сторону, чтобы огонь погас, дойдя до мокрого места («Шулхан Арух», 334:22; «Шмират Шаббат ке-Илхата», 41:16). И если загорелся край скатерти, можно намочить оставшуюся часть скатерти на некотором отдалении от огня.

Но когда скатерть сделана из впитывающего жидкость натурального материала, ее нельзя поливать водой, так как при замачивании в воде был бы нарушен запрет «отбеливать» («Шулхан Арух», 334:24). В таком случае следует пропитать ее какой-либо другой жидкостью (например, соком), но при отсутствии в доме достаточного количества сока, можно добавить к нему воды («Кицур Илхот Шаббат», 38:8). И разрешено обложить огонь мокрыми простынями или покрывалами, а также полиэтиленовыми пакетами с водой — чтобы эти пакеты лопнули от жара и залили пламя («Шмират Шаббат ке-Илхата», 41:16).

И даже если пожар вообще не угрожает жизни людей, — например, он возник в частном доме, вокруг которого нет никаких других зданий, и точно известно, что в доме не осталось людей, то и в этом случае разрешено позвать на место пожара неевреев, но только не нарушая при этом никаких запретов Шаббата (т.е. не по телефону и т.п.), — и нельзя прямо просить их погасить огонь. А вне Земли Израиля, там, где в пожарных командах работают неевреи, можно сказать соседям-нееврейам или прохожим: «Тот, кто вызовет пожарников не останется без награды!» («Кицур Илхот Шаббат», 38:13; «Шмират Шаббат ке-Илхата», 41:14).

А если в загоревшемся помещении находятся свитки Торы, а также другие святыне книги (*сифрей кодеиш*) или *тефилины*, разрешено прямо попросить у нееврея вынести их даже во «владение многих» (*решут а-рабим*). А если невозможно их вынести, тогда, чтобы спасти святыне книги (в том числе, тома Талмуда, книги по еврейскому закону, комментарии к ним и т.п.), разрешено прямо попросить неевреев потушить пожар. А если нет неевреев, то и еврею разрешено вынести священные книги и предметы в огороженное место, например, во двор («Шулхан Арух», 334:18; «Мишна Брура», 334:68; «Кицур Илхот Шаббат», 38:13). И так же можно попросить неевреев погасить пожар, чтобы спасти от огня мезузы, закрепленные в дверных проемах («Шмират Шаббат ке-Илхата», 30:12).

В ряде случаев для нужд больного, жизнь которого в опасности, даже «гасят светильник» (Рамбам, «Шаббат», 2:2) — для того, чтобы больной смог заснуть («Шулхан Арух», 278), ведь сон ему жизненно необходим. И понятно, что свет разрешено погасить только в том случае, если невозможно перевести больного в иное помещение или заслонить от него светильник («Мишна Брура», 278:1).

Производной работой (*толада*) от основной «тушить» является извлечения масла из резервуара с горящим фитилем (Бейца, 22а, Раши, Рамбам, «Шаббат», 12:2). Составители Тосафот объясняют, что берущий масло из горящего светильника сразу же его «чуть-чуть гасит и уменьшает его свет, ведь теперь огонь не сможет

гореть как прежде» (Тосафот, Бейца, 22а). Есть и другие объяснения. Поэтому извлекать масло из горящего светильника запрещено даже в том случае, когда совершенно, что огонь не уменьшится.

Мудрецы запретили ставить (даже до Шаббата) сосуд с водой под свечу, чтобы принимать искры. Ведь если человек подвигает сосуд с водой к светильнику в момент, когда искры уже падают вниз, он тем самым тушит их действием своих рук. Поэтому мудрецы запретили ставить посудину с водой под светильник даже до Шаббата, чтобы человек не стал бы делать это в сам Шаббат и не нарушил бы при этом запрета Торы (Шаббат, 47б, Раши). Но если возникает опасность пожара, разрешено поставить под искры сосуд с водой, однако предпочтительно, чтобы этот сосуд установил ребенок, не достигший возраста *бар-мицвы* или *бат-мицвы* («Мишна Брура», 265:16).

Мудрецы запретили также «тушить» (т.е. охладить) раскаленный докрасна металл (из Торы это не запрещено, так как металл не пылает и не образует углей а, остывая, возвращается к прежнему состоянию) (Шаббат, 42а, Раши; «Хаеть Адам», «Шаббат», 46:2; «Мишна Брура», 334:84). Соответственно, запрещено гасить электрическую плиту и нагревательные приборы, а также уменьшать их температуру, ведь в них действуют нагревательные элементы, которые имеют статус «раскаленного металла». И также запрещено гасить любые электрические осветительные приборы. А Хазон Иш считает, что при размыкании электрической цепи совершается также запрещенная Торой работа *сотер* («разрушать») («Мишнат а-Шаббат», 40; «Орхот Шаббат», 16:12).

413 Работа «разжигать»

Работа «разжигает» (*מַבְיָר* — *мавьир*) заключена в разведении огня с какой-либо конструктивной целью — чтобы варить на нем, а также для освещения или обогрева. Это основная работа — *ав мелаха* (Рамбам, «Шаббат», 12:1). А мудрецы запретили разводить огонь даже с разрушительной целью («Орхот Шаббат» 1, с. 457).

При изготовлении Шатра Откровения огонь разводили для того, чтобы вываривать красящие вещества из растительного сырья (Раши, Шаббат 73а; см. комментарий р. Овадьи из Бартануры), а также для выплавки золота и других металлов. В Торе, например, написано (Шмот, 38:27): «И пошло сто *кикаров* серебра на отлитие подножий» (см. «Мишнат а-Шаббат», 41).

Работа «разжигать» занимает особое место среди всех 39 запрещенных в Шаббат работ, ведь о ней в Торе сказано особо: «Не разжигайте огонь во всех ваших поселениях в день субботний» (Шмот, 35:3), а обо всех остальных работах только в целом: «А день седьмой, Суббота, — Г-споду, твоему Б-гу — не совершай никакой работы» (там же, 20:10).

Производной работой (*толада*) от основной «разжигать» является разогревание металла (Рамбам, «Шаббат», 12:1; «Хаей Адам», «Шаббат», 46:2). Раскаленный металл также считается «огнем», ведь он обжигает, как пламя, и на нем можно варить, как на пламени («Магид Мишнэ», «Шаббат», 12:1; «Орхот Шаббат», 16:5). Поэтому запрещено включать в Шаббат электрические лампы накаливания, в которых нить накала раскаляется и становится подобной горящему углю. По мнению большинства законоучителей, это запрет из Торы. И также запрещено включать электрические плиты, нагревательные и т.п. приборы, так как в них раскаляется нагревательный элемент (*гуф химум*), который тоже приравнивается к «огню» («Орхот Шаббат», 16:5–6). Кроме того, по мнению Хазон Иша, при замыкании электрической цепи совершается и работа *бонэ* («строить»), так как создание цепи тока подобно изготовлению «инструмента» (*кэли*) («Хазон Иш», «Орах Хаим», 50:9; «Мишнат а-Шаббат», 41). Согласно этому мнению, при включении подобных электрических приборов нарушается сразу два запрета Торы.

Запрещено включать также лампы дневного света (люминесцентные и флуоресцентные лампы), так как при включении их возникает искра, которая считается в полной мере огнем. Но светоизлучающие диоды (*LED-лампы*), изготовленные из полупроводникового материала, который светится при прохождении через него тока, не считаются «огнем», и работа «разжигать» при их включении не совершается. Но и в этом случае остается запрет Торы «строить», так как при этом замыкается электрическая цепь («Орхот Шаббат», 16:7–8).

Производной работой от «разжигать» является также ворошение углей в печи или очаге для того, чтобы пламя разгорелось сильнее (Критот 20а; «Мишнат а-Шаббат», 41). А мудрецы запретили оставлять недоваренную пищу в печи перед самым наступлением Шаббата, если угли не засыпаны или полностью не убраны. Это связано с опасением, как бы человек, забыв, что Шаббат уже наступил, не поворошил бы угли, чтобы увеличить силу огня, как это обычно делают в будни — ведь тем самым он нарушил бы запрет Торы «разжигать» (Шаббат, 18б; «Шулхан Арух», 253:1).

К производным работам от «разжигать» относится и добавление горючего вещества в горящий огонь — в частности, добавление оливкового масла в плоскую с горящим фитилем (Бейца, 22а; Рамбам, «Шаббат», 12:2; «Мишнат а-Шаббат», 41). Выше, в мишне 1:3, указано, что мудрецы запретили читать в Шаббат при свете масляного светильника. В эпоху Мишны в качестве светильника использовали плоскую с маслом, в верхнее отверстие которой вставляли фитиль. А когда масла оставалось мало и огонь слабел, плоскую иногда наклоняли так, чтобы остатки масла стекли к фитилю.

Именно поэтому мудрецы запретили читать при свете светильника — чтобы оградить человека от нарушения запрета Торы, ведь увеличение силы огня является работой «разжигать» (Шаббат, 11а; «Шулхан Арух», 275:1, «Мишна Брура», 1).

44 Работа «ударять молотком»

Работа «ударять молотком» (*מַכֵּה בַּמַּזְזֵי* — *макэ ва-патыши*) — это завершающее действие при изготовлении какого-либо предмета (Шаббат, 75б). При завершении изготовления металлической утвари ремесленники легонько постукивают молоточком по поверхности предмета, чтобы выправить мелкие неровности. И также каменщик ударяет по положенному в стену камню, чтобы он был вровень с соседними. Поэтому всякое завершение работы мудрецы условно называют «ударом молотком» (р. Хананель; «Магид Мишнэ», «Шаббат» 10:16; «Хаей Адам», «Шаббат», 44:4; «Мишна Брура», 302:9).

Раши объясняет несколько по-иному: завершая работу, мастер ударяет молотком по наковальне, чтобы выправить молоток перед следующей работой — и выражение «удар молотком» в значении «завершение изготовления предмета» идет отсюда (Раши, Шаббат, 73а; см. комментарий рава Овадьи из Бартануры).

При изготовлении Шатра Откровения работа *макэ ва-патыши* производилась при завершающей подгонке металлических деталей (ведь вертикальные брусья двора были оправлены в серебряные скобы и крепились на медных основаниях, а вверху были серебряные крючки). Кроме того, работа «ударять молотком» выполнялась при завершении производства золотых пластин, когда их выравнивали ударами молотка (см. «Мишнат а-Шаббат», 42).

Производной работой (*толада*) от основной работы «ударять молотком» является завершающее действие, которым предмет доводится до полной готовности (Раши, Шаббат, 102б). Так, например, запрещено вытягивать оставленные портным наметочные нити из новой одежды, поскольку этим завершается изготовление предмета (Шаббат, 75б, Раши; Рамбам, «Шаббат», 10:16; «Шулхан Арух», 302:2, «Мишна Брура», 8).

Запрещено впервые вставлять ремешки в новую обувь или в новую одежду, так как это тоже «завершение предмета» (*тыкун кэли*). Этот запрет касается лишь таких ремней, которые являются составной частью данной одежды (например, сандалий, костюма или брюк) и предназначен для использования только с ними. Но обычные, сменяемые, ремни разрешено вставлять даже в новые брюки или юбку, так как их не принято навсегда оставлять в одежде («Мишна Брура», 317:16; «Шмират Шаббат ке-Илхата», 15:62).

Запрещено не только изготавливать предмет, но и чинить его, даже выпрямлять погнувшийся металлический шампур («Шулхан Арух», 509:1, «Мишна Брура», 1), а также

ложку, вилку или дужку очков («Шмират Шаббат ке-Илхата», 15:77). Мудрецы запретили чинить предмет даже в том случае, если и в таком виде он по-прежнему пригоден для своей функции — например, выпрямлять лишь немного погнувшуюся иглу («Мишна Брура», 509:7).

Запрещено заводить остановившиеся механические часы, так как это тоже *тыкун кэли*, — и по многим мнениям, это запрет из Торы (там же, 338:15, «Шаар а-Циун», 15; «Шмират Шаббат ке-Илхата», 28:19/42/).

Мудрецы запретили отделять в Шаббат *тэрумат* и десятины от урожая, так как это «выглядит исправлением» пищи, ведь до отделения эти продукты запрещены есть, а после отделения — разрешено («Шулхан Арух», 339:4, «Мишна Брура», 25).

Мудрецы также запретили окунать новую посуду, приобретенную у неевреев, ведь и это «выглядит исправлением» — до окунания ею запрещено пользоваться, а после — разрешено («Мишна Брура», 323:30 и 33).

О работе «ударять молотком» речь пойдет также в комментарии к мишне 12:1.

45 Работа «выносить из одного владения в другое»

Последняя работа из тридцати девяти запрещенных в Шаббат работ — «**выносит из одного владения в другое**» (*מוציא מרשות לרשות* — *моци мэ-решут ли-решут*). Основная работа (*ав мелаха*) заключена в переносе предметов из «частного владения» во «владение многих» (Шаббат, 96б; Раши, Шаббат, 26).

Определяющий признак «частного владения» (*решут а-яхид*) заключен в том, что это место закрыто для прохода большого количества людей, — либо с помощью стен и перегородок (*мехицот*), как здание, либо с помощью естественных преград, например, яма (Шаббат, 6а; «Шулхан Арух», 345:2). Термин *решут а-яхид* не подразумевает, что данное огороженное пространство является частной собственностью, ведь при определенных условиях статусом *решут а-яхид* может обладать огороженный общий двор и даже огороженный стеной город, если его ворота запираются хотя бы на ночь (Рамбам, «Шаббат», 14:1). «Частным владением» могут быть также предметы определенных размеров, стоящие во «владении многих»: например, шкаф, сундук, телега или карета («Шулхан Арух», 345:6, «Мишна Брура», 345:13,16), и даже автомобиль, если высота его внутреннего помещения составляет не менее десяти «кулаков» (*тефахов*) («Шмират Шаббат ке-Илхата», 17:2). Минимальная площадь «частного владения» — четыре кулака на четыре кулака, а минимальная высота ограждений — десять кулаков («кулак» или *тефах* — мера длины, равная 9,6 см. по мнению Хазон Иша или 8 см. по мнению р. Х. Наэ).

В отличие от *решут а-яхид*, «владение многих» (*решут а-рабим*) — это пространство, предназначенное

для прохождения большого количества людей, например, дорога, соединяющая два города, или улицы и торговые площади в городах (Шаббат 6а, Раши). Критерии, определяющие *решут а-рабим*, установлены в соответствии с основными характеристиками стана сынов Израиля в пустыне Синай (Шаббат, 98а; Раши, Шаббат, 6а). Так, «владение многих» должно быть шириной не менее 16 «локтей», поскольку такой ширины были проезды для повозок в Синайском стане (локоть или *ама* — это мера длины, равная, по мнению Хазон Иша, 57,6 см., а по мнению р. Х. Наэ — 48 см.).

Приступая к изготовлению Шатра Откровения, сыны Израиля переносили все необходимые материалы из семейных шатров («частное владение») на улицы стана, а затем — в лагерь левитов, который тоже имел статус «владения многих», так как туда приходили все евреи. В Торе прямо указано, что такой перенос из частного владения во владения многих называется «работой». Ведь написано, что, когда евреи принесли для строительства Шатра больше материалов, чем было нужно, Моше объявил по стану: «Мужчины и женщины пусть не делают больше работы (*מלאכה* — *мэлахá*) для святых приношений» — и перестал народ приносить (Шмот, 36:6) — т.е. перенос приношений назван «работой» (Шаббат, 96б, Раши). Кроме того, в процессе сбора шатра на каждой новой стоянке переносили брусья из повозок («частное владение») на широкие проходы стана, имеющие статус «владения многих». А в процессе сбора Шатра перед тем, как отправиться в очередной переход, брусья переносили из «владения многих» в повозки (Шаббат, 49б, Раши; «Мишна а-Шаббат», 43).

В Гемаре указано, что основной работой является только вынос предмета из «частного владения» во «владение многих», потому что это действие совершалось при доставке пожертвований для Шатра в стан левитов, как об этом сказано в самой Торе: «...все приношения, которые принесли сыны Израиля для священной работы...» (Шмот, 36:3). А обратное действие — внос из «владения многих» в «частное владение» — считается производной работой (*толада*) (Шаббат, 96б; Раши, Шаббат, 26).

Производной работой является также перенос предметов во «владении многих» на минимальное расстояние в четыре «локтя» (Шаббат, 96б; Рамбам, «Шаббат», 12:8; Ран, Шаббат, дапей а-Риф, 316).

К производным работам относится и перебрасывание или перетягивание предметов из одного «частного владения» в другое через «владение многих», лежащее между ними (а также наоборот) (Шаббат, 96б, Раши; Рамбам, «Шаббат», 12:10 и 13:18).

Минимальный размер вынесенного из одного владения в другое предмета, за который нарушитель ответствен по закону Торы (т.е. в случае

неумышленного нарушения должен принести жертву *хатат*), в отношении продуктов питания равен сухой ягоде инжира (*ка-грозгерет*) (Рамбам, «Шаббат», 18:1). Минимальные нормы выноса для других предметов, за которые нарушитель ответствен по закону Торы, указаны далее — в восьмой главе этого трактата.

В целом, работе «выносить из одного владения в другое» посвящена значительная часть трактата «Шаббат». Законы, связанные с этой работой, подробно рассмотрены в первой мишне трактата, а также в пятой главе (мишны 1–4) и в шестой (мишны 1–10). Этой же работе посвящена последняя мишна этой, седьмой, главы, а также вся восьмая, часть девятой (мишны 5–7), основная часть десятой (1–5) и вся одиннадцатая глава.

46 Общее количество работ

В конце этой мишны подведен итог: «**Вот эти основные работы — сорок без одной**».

Но ведь в самом начале мишны уже сказано: «**Основных работ — сорок без одной**!» И в Гемаре объяснено, что общее количество работ названо для того, чтобы научить: если человек сделает в Шаббат все 39 видов работ, зная, что этот день Шаббат, но забыв, что эти работы запрещены, он должен принести не одну, а 39 грехоочистительных жертв (Шаббат, 73б; Рамбам, «Шаббат», 7:8).

Для чего же общее количество работ повторено в конце мишны?

В конце мишны это сказано для того, чтобы отметить мнение раби Элизера, который считал, что, если человек по забывчивости сделал основную работу (*ав мелаха*) и производную от нее (*толада*), он должен принести по одной грехоочистительной жертве и за основную работу, и за производную. Поэтому в завершение этой мишны подчеркивается: «**Вот эти основные работы — сорок без одной**». И даже если человек по забывчивости сделает за один Шаббат все существующие в мире работы, он должен принести всего 39 грехоочистительных жертв — не больше, ведь все остальные работы являются производными (Шаббат, 75б; «Тосафот Йом-Тов»; но р. Овадья из Бартануры указывает, что с этой целью названо число работ в начале мишны).

Вместе с тем, заключительная фраза этой мишны призвана отклонить мнение раби Йеуды, который считал, что существует еще две основные работы: *шовет* («ударять палкой по нитям») и *мэдакдэк* («выравнивать»). Напомним, что, когда натягивали продольные нити на валики ткацкого станка, то в случае необходимости ткач ударял палкой (*бе-шевет*) по натянутым на станке продольным нитям, чтобы расправить их и отделить друг от друга — и это работа *шовет* (Рамбам, «Шаббат», 9:17–18). А когда продевали

поперечные нити между продольных, ткач выравнивал их, чтобы они не были чересчур сильно натянуты — и это работа *мэдакдэк* (Раши, Шаббат, 75б). Но в Гемаре разъяснено, что, по мнению мудрецов, которое отражено в этой мишне, работа *шовет* является одним из элементов работы *мэсэх* («натягивать продольные нити»), а *мэдакдэк* — частью работы *орег* («ткать»; см. выше). И поэтому в итоговой фразе этой мишны подчеркивается: «**Вот эти основные работы**» — их всего «**сорок без одной**» — и не больше (Шаббат, 75б, Раши).

При этом в мишне написано не «тридцать девять», а именно «**сорок без одной**». Здесь составитель мишны перекликается со сказанным в самой Торе, где по поводу наказания согрешившего сказано (Дварим, 25:3): «Сорок ударов можно дать ему и не более...» — а в Гемаре объяснено, что имеется в виду «сорок без одного», т.е. тридцать девять («Тосафот Йом-Тов»).

47 Основные и производные

В Иерусалимском Талмуде рассказывается, что главы мудрецов земли Израиля раби Йоханан и Рейш Лакиш в течение трех с половиной лет изучали перечень тридцати девяти основных работ, приведенный в этой мишне. И для каждой из основных работ (*авот мелахот*) они нашли по 39 производных — *толадот* (Иерусалимский Талмуд, Шаббат, 7:2; 44а).

Существует ряд причин, по которым нужно четко разбираться, к какой основной работе относится каждая производная. Одна из них названа в комментарии *Тосафот*. Во времена Храма суд мудрецов мог приговорить нарушителя Шаббата к смертной казни только в том случае, если свидетели предупредили человека, что работа, которую он собирается совершить, запрещена Торой и карается смертной казнью. Это предупреждение (*атраа*) должно было быть сделано непосредственно перед нарушением запрета Торы — только тогда было однозначно ясно, что нарушитель совершил грех намеренно. При этом свидетели должны были точно назвать работу, которую нарушитель собирается совершить. Но если они видели, что человек собирается сделать в Шаббат производную работу, то они могли назвать ее именем основной. Например, если человек собирался перенести предмет по владению многих на расстояние в четыре локтя, его могли предостеречь, что он собирается совершить работу «выносить из одного владения в другое». А по мнению некоторых законоучителей, только так и следовало поступить: если нарушитель собирался выполнить производную работу, ее следовало назвать именем основной работы, приведенной в данной мишне (Тосафот, Шаббат 73б и Бава Кама, 2а).

Перевод и комментарий:
рав Александр Кац

Пост Десят

Рав Пинхас Перлов

Вот что сказано о постах месяца Тевет в «Книге нашего наследия» рава Элияу Ки-Това.

Три поста следуют в Тевете один за другим в память о трех бедах, обрушившихся на народ Израиля в дни 8-го, 9-го и 10-го Тевета.

Посты восьмого и девятого Тевета называются «постами праведников», когда постятся лишь избранные. Десятого Тевета постятся все...

Восьмого Тевета был закончен перевод Торы на греческий язык, сделанный по приказу царя эллинистического Египта Птолемея. Этот день мудрецы сравнивают с днем, когда был сделан «золотой телец», ибо невозможно перевести Тору на другой язык, не исказив ее смысла.

Девятого Тевета умерли пророки Эзра и Нехемия.

Десятого Тевета — в день всеобщего поста — войска вавилонского царя Невухаднецара начали трехлетнюю осаду Иерусалима, закончившуюся гибелью города и Храма.

Причины всех трех постов требуют дополнительных разъяснений, особенно причины первого из них (мы будем говорить о нем в последнюю очередь). Ведь сколько было в нашей истории великих и трагических событий, для которых не были установлены посты на последующие поколения! Речь должна идти о действительно переломных событиях, оказавших огромное влияние на дальнейшую историю нашего народа.

Об Эзре и Нехемии в «Книге нашего наследия» сказано следующее:

Это они возглавили евреев, решивших вернуться из Вавилона в Эрец Исраэль, научили их Торе и заботились об их нуждах. С их смертью Израиль осиротел, лишившись духовных и материальных благ, которые они ему доставляли. Никто не смог стать им достойной заменой.

Смерть Моше Рабейну тоже была великим и трагическим событием. Но он завершил свою миссию, благословил народ и передал дело достойному преемнику, тогда как период возвращения

евреев из Вавилона под руководством Эзры и Нехемии был полон смут и конфликтов как с окружающими народами, так и среди евреев, и — «никто не смог стать им достойной заменой».

Десятое Тевета — день начала осады Иерусалима. Это событие как будто не было еще полным раскрытием трагедии. Еще не было ни голода, ни разрушений, ни жертв. И разве не достаточно для нас строжайшего поста Девятого Ава, уставленного в память о событиях ощутимо и зримо трагических?

Но в том-то и дело, что мировоззрение Торы требует, чтобы мы искали и видели духовные корни прежде ощутимых и зримых плодов! Видели бы их и сегодня — и были настороже, ибо только это и называется извлечением уроков из трагедий нашего прошлого! Когда нетронуты еще материальные основы нашей повседневной жизни... когда магазины полны товара, а кафе и развлекательные учреждения заполнены веселящейся публикой, — чтобы люди видели, что все их сегодняшнее благополучие, возможно, «перемолото» уже на «небесной мельнице», что оно — как имущество **ирнидахат** (города идолопоклонников) — подлежащее сожжению, а по закону Торы «подлежащее сожжению — как будто уже сожжено», и не имеет **шиура** [минимальной меры] и ценности... (Дай Б-г, чтобы этого не произошло, а наоборот, все мы, весь народ Израиля, полностью и всем сердцем вернулись к Торе, и все это имущество стало фундаментом в строительстве мира Торы).

И вот, наконец, вопрос: почему перевод Торы на греческий язык, ставший поводом для поста 8-го Тевета, является столь большой трагедией? Перевод этот — не первый (самый первый, на семьдесят языков, был сделан нашим учителем Моше при вступлении в Землю Израиля [см. Раши к Дварим, 27:8], и здесь нет возможности говорить об этом подробнее). И не последний — после него появился глубоко чтимый у всех изучающих Тору и крайне важный, основанный на традиции устной Торы, перевод Онкелоса на арамейский язык, на который часто ссылается Раши и текст которого печатается в изданиях Пятикнижия самым крупным шрифтом после шрифта самой Торы! И тот перевод на греческий

ого тевета

был сделан не греками-идолопоклонниками, а самыми большими мудрецами Торы, для которых Всевышний к тому же совершил великое чудо — семьдесят два перевода, сделанных разными мудрецами по приказу царя Птолемея полностью независимо друг от друга, оказались совершенно одинаковыми, включая даже все преднамеренные отступления от прямого смысла текста. Это совпадение само по себе стало великим освящением имени Всевышнего! А сегодня Тора переведена чуть ли не на все языки. Да и вообще — можно ли было ожидать, даже в те времена, чтобы такая величайшая и известная книга — Книга книг — никогда не будет переведена? Так почему же наши мудрецы сравнивают этот день с днем, когда был сделан золотой телец, и говорят (в трактате Таанит), что «когда Тора была переведена на греческий язык, тьма опустилась на мир и не прекращалась три дня»?

Вот что сказано об этом в «Книге нашего наследия»:

Один из Птолемеев [царь, под властью которого находилась Иудея в то время] искал возможности опровергнуть происхождение Торы и природу ее законов. Для этого он призвал еврейских мудрецов и приказал им перевести Тору на греческий язык.

Если бы его действительно интересовала Тора, он заявил бы о своем желании заранее, дал мудрецам возможность совещаться между собой и создать коллективный перевод Торы. Но он, намеревавшийся высмеять мудрецов, поступил иначе [изолировал мудрецов на все время работы друг от друга, как мы упоминали выше].

Итак, прежде всего, в основе самого замысла перевода было абсолютно враждебное отношение царя к Торе и ее мудрецам. И далее:

Он возложил на плечи каждого из семидесяти двух мудрецов совершенно непосильную задачу.

Каждое слово Торы имеет тысячи значений, и иврит — Святой язык — высекает их из него, как молот, дробящий скалу. На нем наши мудрецы могут истолковать все явные и скрытые значения предложений, слов и даже букв Торы.

Бесполезно искать язык, подобный Святому языку, созданному специально для того, чтобы на нем можно было запечатлеть Тору. Перевод ее на другой язык во всем ее богатстве невозможен.

Что же остается делать? Махнуть рукой на многозначность ее предложений, на глубочайшие намеки и иносказания, и переводить слово за словом, следуя их прямому смыслу? Но такой перевод уподобит Тору пустому сосуду, в котором нет драгоценного напитка — одни только стенки слов. Что же должны были чувствовать мудрецы, которым выпала эта задача? Ведь это были выдающиеся знатоки Торы, влюбленные в ее мудрость!

«Нет драгоценного напитка — одни только стенки слов!» Напрасно изготовители идолов пытаются придать им ценность, отливая их из золота и серебра! Из чего их ни делай — нет в них той святости и божественности. Так и любой перевод Торы по сравнению с ее оригиналом.

Евреи (в том числе праведные *геры*, изучающие Тору), для которых предназначен перевод Онкелоса (который сам был праведным *гером*), знают все

это, умеют пользоваться этим переводом, и не думают, глядя на него, что «перед ними подлинная Тора». Они знают, что перевод Онкелоса — это перевод-комментарий, даже на уровне прямого смысла раскрывающий лишь один из возможных прямых смыслов — и при этом скрывающий остальные. Но даже для того, чтобы раскрыть прямой смысл, даже один-единственный из них, — нужна устная Тора, частью которой перевод Онкелоса и является. Таким образом, евреям тот

Для чего перевели Тору?

перевод на греческий язык никак не мог повредить. Другое дело — иные народы, не знающие по сути ничего об Устной Торе, даже если слышали о ней, и потому думающие, что можно познать Тору по ее переводу, тем более — сделанному лучшими ее мудрецами.

Почему же вдруг с первым переводом Торы «опустилась тьма на мир» — разве до этого был свет?

В том-то и дело. Конечно, народы не знали Тору и не изучали ее, и не в этом состоял «свет». А в том, что они слышали хотя бы немного о ней и о ее величии, и понимали, что она дана еврейскому народу, ради которого Всевышний совершил в прошлом множество великих чудес. В одном этом знании заключался великий свет для народов, и те из представителей их,

которые готовы были потрудиться, чтобы изучить ее язык, доходили до того, что становились праведными *герами*. Таких было немало, включая того же Онкелоса. А Всевышнему — Ему Самому немало важно, что скажут народы о Торе, и чтобы они видели в ней свет — ведь в самые критические моменты, после греха золотого тельца и греха разведчиков, когда еврейский народ оказался под угрозой полного уничтожения и Моше молился,

чтобы спасти его, он говорил Всевышнему: «Если ты умертвишь народ этот, как одного человека, то скажут народы, которые слышали славу Твою: “Из-за недостатка силы у Г-спода привести народ сей в землю, которую Он клятвою обещал им, погубил Он их в пустыне!”»

С появлением греческого перевода, сделанного по повелению царя-злодея, все изменилось раз и навсегда (вернее, до нашего окончательного освобождения, когда воссияет новый свет из Цийона на весь мир; и новые переводы уже ничего не добавляют и не меняют в этом). Произошел переворот: Всевышний допустил, чтобы в мире, у народов, появилась иллюзия (а это и есть тьма), что Тора теперь принадлежит и им тоже, как пишет «Книга нашего наследия»:

”

В чем опасность перевода на греческий?

“

Мудрецы сравнили переведенную Тору с посаженным в клетку львом. Прежде все трепетали перед ним и, завидев его, обращались в бегство. Теперь же все подходят к клетке, показывают на льва пальцем и спрашивают: «Где же его хваленая сила?»

Так и Тора. Пока она находилась в руках Израиля, который толкует ее на Святом языке, она действительно связывала Израиль с Всевышним и давала ответ на все вопросы. Никто не решался отзываться о ней недостойным образом...

Теперь Тора оказалась заключенной в клетку греческого перевода, и благоговение перед ней исчезло. Любой человек, знавший греческий язык, мог читать ее, комментировать и критиковать — все это без того, чтобы хотя бы прикоснуться к ее мудрости.

Поэтому мудрецы уподобили восьмое Тевета другому траурному дню — дню, когда был сделан «золотой телец». Как в извоянии, лишенном души, поклонявшиеся ему видели идола, так в греческом переводе Торы — тексте, лишенном мудрости и святости, — народы мира видят Тору. Они полагают, что познакомились с ней благодаря переводу, и говорят друг другу: «Вот она, Тора, которую мы изучили».

Это событие имело далеко идущие последствия. И в среде народов, претендующих на то, что они отняли у нас «избранность», и назвавших себя «новым Израилем», не дай Б-г, нам предстояло провести в величайших страданиях нескончаемые годы нашего последнего изгнания. И далее «Книга нашего наследия» завершает:

Подчеркнув, что темнота, опустившаяся на мир восьмого Тевета, не прекращалась три дня, наши мудрецы намекают на то, что это печальное событие — завершение перевода Торы — как бы завершает ряд трагических событий, происшедших некогда девятого и десятого Тевета.

Цитаты из «Книги нашего наследия»

Элиау Ки-Това даны всюду по русскому переводу издательства «Авида».

Мудрецы сравнили переведенную Тору с посаженным в клетку львом

Тора или кувальда: что такое истинное удовольствие?

По материалам уроков
рава Игаля Полищука

Рав Реувен Файн был большим человеком и главой нашей ешивы. Он был одним из учеников ешивы Мир в Беларуси, потом эвакуировался вместе со своей ешивой в Шанхай (через огонь Второй мировой войны и Катастрофы, удостоившись вместе со всей ешивой великих чудес), а затем — в Америку и на Святую Землю. В Америке он был главой одной из ведущих ешив, а в Земле Израиля — президентом нашей ешивы «а-Ран». Я еще помню его уроки — он ушел от нас около 20 лет тому назад. Хочется привести то, что сказал на его похоронах его дядя, рав Ротенберг, тоже великий мудрец Торы: «Тора текла по его венам и артериям». Какое все это имеет отношение к нам с вами?

Во всем мире, как евреи, так и неевреи, прежде всего, ищут радость в жизни. Разница в том, что «у них» радость жизни ассоциируется со всевозможными удовольствиями, которые надо испытать, потому что «живем только один раз!». Однако именно в силу того, что люди пускаются во все тяжкие в погоне за материальными удовольствиями, истинного удовольствия они постичь не могут. Об этом пишет Рамхаль в книге «Месилат Йешарим»: наша душа в теле похожа на принцессу, которая была вынуждена выйти замуж за простолюдина. То, что этот мир может предложить нашей душе, сравнивается с сельскими радостями, которые простолюдин предлагает принцессе — разве могут они сравниться с тем, что она получала в королевском дворце?

Известно, что источники радости — тот ориентир, на который направлена жизнь человека. Мы знаем из Торы, что, все еще находясь со Всевышним на горе Синай и уже зная о грехе золотого тельца, Моше все оставшееся время просил Всевышнего помирить еврейский народ. Моше вымолил прощение и со скрижалями спустился с горы. Однако, увидев пляски, танцы и веселье вокруг Золотого тельца, он сразу же разбил Скрижали. Что нового он увидел или понял, ведь он знал о том, что народ Израиля согрешил? Новой была радость, с которой народ Израиля предавался идолопоклонству.

В предисловии к книге «Иглей Таль» наш великий учитель — адмор из Сохачева — приводит написанное в книге Зоар о том, что и доброе начало в человеке, и дурное начало взращиваются радостью. Человек радуется заповедям, Торе, молитве, добрым делам, и это выращает в нем его доброе начало, йецер а-тов. Человек, который радуется греху и низменности, подпитывает тем самым свое дурное начало. Такая доступность — это именно то, чем в первую очередь соблазняет дурное начало: обещание легких удовольствий, чувственных наслаждений — то, что в Израиле называется *лаасот хаим* — буквально «делать жизнь». Это означает прожигать жизнь, обратить все душевные и физические силы в тщету.

Что мы можем противопоставить дурному началу? Надо молиться, учиться, совершать добрые дела с радостью. Нужно жить по Торе в радости! Безусловно, отсутствие радости не освобождает от исполнения заповедей. Однако служение с радостью — совершенно иной уровень служения!

У каждого человека есть материальное лицо и духовное лицо. Все люди разные, и даже если бы все вокруг были праведниками, все равно мы бы отличались внешне, потому что наши тела отражают нашу духовную основу. *Пани́м* — лицо — от слова *пн́им*, внутренний — лучше всего отражает внутреннюю суть человека. Рамхаль в «Даат Твунот» пишет, что на лице раскрывается душа человека.

Мы все разные и всегда будем разными — не в силу воспитания и образования, а в силу наших духовных корней. Основы веры и закона для всех едины, но для каждого из нас есть немного другой удел в служении Творцу. Кто-то все свое время посвящает учебе, а кто-то не только учится, но много времени посвящает помощи другим людям. Сказано в Талмуде про Абае и Рову, что Рова занимался в основном Торой, а Абае совмещал занятия Торой с большой благотворительной деятельностью. Таким образом, у каждого из нас есть свое духовное лицо, и корень этой духовности — в Высших мирах. Если нам удастся своими действиями в этом мире прилепиться к тому самому источнику нашей души в Высших мирах, то этот источник будет питать

нашу жизнь — радостью, удовлетворением, чувством самореализации и уверенности в том, что мы живем правильно. Он будет давать нам все, что нужно, раскрывая истинные удовольствия этого мира и даже давая частичку удовольствий мира грядущего.

На горе Синай, когда мы слышали Речения Всевышнего, наши души оставили нас, а затем Всевышний оживил нас живительной росой — *талъ шель тхия*. Говорят наши мудрецы, что под этим подразумевается Тора, которая называется *Торат хаим* и *Эц хаим* — Тора жизни и Древо жизни. Изначально наши души питались из другого, «несвятого» источника, и это было несовместимо с получением Торы. Именно из-за этого наши души оставили нас, и Всевышний вернул нам жизнь, дав душам новый корень. Об этом говорят наши мудрецы, что мерзость оставила наши души.

Теперь нам более понятны слова Рамхала о том, что душа в нашем теле — как принцесса в доме у простолюдина. Однако даже этот пример не отражает до конца великую разницу между телом и душой. На самом деле, и принцесса, и простолюдинка — обе всего лишь плоть и кровь, а наши души и наши тела — это совершенно разные уровни. Рамхаль пишет, что наши души не любят этот мир, а, наоборот, пренебрегают им. Если мы ощущаем в разной мере тягу к этому миру — это лишь признак того, что какая-то часть той «мерзости» дурного начала в нас все-таки есть. Несмотря на то, что мы получили обновленные души на горе Синай, эта «мерзость» вернулась в нас после греха золотого тельца!

Есть выражение Хазон Иша, которое долгое время мне вообще было не до конца понятно, да и сейчас умом я его понимаю, но до конца принять сердцем сложно. Он говорил так: «Человек, который разбирается в книге “Кцот а-Хошен”, не может разбираться в кугеле». Кугель — традиционное блюдо в Шаббат, и пусть евреи наслаждаются Шаббатом... но одновременно и там и там быть невозможно. Попробуем немного это объяснить: свет Торы — это высший свет, который нам светит, когда мы ею занимаемся. Если наши души чем-то загрязнены и покрыты «илом», то, даже если мы занимаемся Торой, этот «ил» мешает нашим душам воспринимать свет Торы и радоваться ему. Этот «ил» — это и есть наша «любовь к кугелю». То, насколько мы себя повергаем в погоню за мирскими удовольствиями, отгоняет от нас нашу душу. Наши души и так пренебрегают этим миром, а когда мы полностью заняты погоней за «кугелем», нашим душам

просто нечего делать в нас. Вечная дилемма: мы ищем кугель или мы ищем свет в Торе, радость в жизни по Торе?

Совмещать это невозможно, эти две системы не сочетаются: человек, погруженный в удовольствия материальные, низменные, не может воспринимать свет Торы и радоваться ему. В нашем поколении, если присмотреться, происходят удивительные вещи: несмотря на то, что мы не можем существовать без материальных удовольствий и довольно сильно к ним привязаны, все же Всевышний дает нам что-то почувствовать в Торе, и не лишает нас полностью ее света — это само по себе удивительное чудо! Наши мудрецы (в частности, Рамбам, Рамхаль) определяют плотские удовольствия, как *мехица* и *ха-цица* — то, что отгораживает, и то, что разделяет. Наши устремления к телу — речь не идет сейчас о запрещенном, просто любое стремление получить удовольствие от материального — создают преграду для восприятия духовного, затемняют свет души. Это — само по себе причина того, что мы получим меньшее удовольствие от духовного. У нас остается выбор, но когда человек в такой ситуации выбирает материальный мир, он действительно теряет вкус в мире духовном.

Говорят, что «клин клином вышибают». Однако сегодня мы не начнем работу над собой с переодевания в рубище и ограничения себя лишь хлебом и водой. Это не наш путь и не уровень нашего поколения. Всевышний одарил нас уникальной возможностью почувствовать вкус духовного без того, чтобы полностью отказаться от материального. Нам важно лишь сделать так, что, когда мы сидим над книгой, углубляемся в нее, слушаем какой-то урок, делаем что-то хорошее — полноценно прочувствовать радость от всего этого настолько, чтобы «кугель» просто не заметить.

Как сказал мой учитель гаон рав Яков Фридман из ешивы Тифрах, наше дурное начало похоже на слона, дикого слона из джунглей. Нельзя просто поймать слона, крепко связать его. Слон порвет все веревки, и убежит обратно в джунгли! Мы не можем себе позволить сразу (и не должны на нашем уровне) отказаться от привычного и необходимого нам для хорошего настроения! Но обязанность отказаться от запрещенных вещей лежит на каждом из нас! Надо научиться пользоваться даром Всевышнего. И, несмотря на «ил» и «кутели», уметь собирать крупички света Торы и научиться получать удовольствие именно от них. По принципу «клин клином вышибают»,

занимаясь Торой и ощущая ее вкус, человек должен ощущать, что совершенно невыносимо ради пакетика чипсов прервать учебу!

К сожалению, и это даже нормально для нашего поколения, что далеко не всегда мы чувствуем вкус в Торе. Это просто праздник для дурного начала: ты не чувствуешь вкуса в Торе — не страшно, займи и порадуй себя чем-то другим! В этом надо быть очень осторожным: если, с одной стороны, какое-то удовольствие этого мира позволит нам лучше учиться — пишет об этом Рамхаль, что «для этого оно и создано». Всевышний дал землю людям, в том числе, чтобы они имели право получать от нее удовольствие! Удовольствие ради того, чтобы лучше исполнять волю Всевышнего — это хорошо. Однако нам надо научиться помнить те моменты, когда мы занимались Торой, чем-то духовным, и ощущали при этом прилив сил и радости. Надо напоминать себе об этом именно в те моменты, когда, с одной стороны, мы особой радости от Торы не испытываем, а, с другой стороны, нас соблазняет дурное начало своими более доступными и понятными нашему телу удовольствиями. Соблазнение таким предложением — это еще одна ступенька, еще один шаг ограничить постижение Торы.

Самое важное для нас — удостоиться радости от Торы и заповедей. Если это не получается естественно, то надо об этом молиться и просить Всевышнего, ведь от этого зависит очень многое!

Не раз в моей жизни имели место дискуссии на эту тему. Я начал жизнь в ешиве и колеле, будучи выходцем из светской среды, и мои нерелигиозные родственники и знакомые не понимали, почему ради учебы Торы я должен бросать учебу в университете и научную карьеру? Пожалуйста, будь религиозным, неужели невозможно совмещать и это, и то? Как можно быть настолько узколобым и ограниченным? Речь идет даже не о Б-гобязности, не о самоотдаче и самопожертвовании ради воли Творца. Я был настолько переполнен радостью жизни от того, что я делаю, от своей учебы, от радости Торы, что меня совершенно не интересовали мои предыдущие занятия наукой, ведь свет на тьму не меняют! Не могу сказать, что у меня получилось до конца убедить моих родственников в моей правоте — это подобно тому, как объяснить слепому, что такое свет. Однако тут есть принципиальная разница: каждый еврей — не слепой, есть тонкая пелена, которая заслоняет его глаза от того, чтобы он увидел истинный свет. Стоит еврею почувствовать вкус к Торе, стоит проникнуть внутрь какому-то свету — как эта пелена начинает разрушаться, и он

постепенно понимает: все то, что говорилось раньше об истинных удовольствиях — правда и для него самого.

Сказали наши мудрецы в мидраше Эйха, что «уступил Всевышний евреям, которые занимались идолопоклонством, развратом и кровопролитием (готов был не наказывать сразу). Но не уступил Всевышний за то, что они отказались от Торы». Причина в том, что свет Торы обращает человека к лучшему, и без него никакая тешува, никакое исправление невозможны. Это — то, что помогает нашим душам заново получить питание. Есть такое выражение в Пиркей Авот: трое, которые ели вместе и не говорили слова Торы — похоже это на жертвоприношение мертвым. Маараль говорит об этом, что человек не может жить без еды, и когда он ест, это укрепляет в том числе и его духовные силы. Однако, несмотря на необходимость питания для наших душ, основное питание проходит все же через наше тело. Поэтому, когда человек ест, это все же больше усиливает его животное начало, а не духовное, и этим увеличивается дисгармония. В этом смысл того, что мы говорим и слушаем слова Торы, когда едим: чтобы одновременно в человеке происходило усиление как в плане материальном — в силу еды, так и в плане духовном — в заслугу учебы.

Когда человек карабкается на скалу и вдруг чувствует, что его веревки обрываются, он вынужден будет цепляться ногами, руками и даже зубами за скалу, чтобы не сорваться в пропасть. Также и в нашей жизни: с одной стороны, мы можем подняться очень высоко — каждый день мы проходим еще несколько шагов в нашем духовном подъеме на гору Синай. С другой стороны, мы можем скатиться глубоко в пропасть, и чтобы этого не допустить, нам надо цепляться всеми силами за каждую духовную вещь, которая нам доставляет удовольствие, и отталкиваться от всего, что нас от этого отвлекает. Это совсем не мелочи — от этого зависит вся наша жизнь.

Наш великий учитель гаон рав Шимшон Пинкус говорил примерно так. Приходит дурное начало к человеку и нашептывает: если хочешь учиться, молиться, исполнять заповеди, — это не у меня. А вот если ты хочешь получать удовольствие от жизни — это только у меня. (В этом месте рав Пинкус перешел на непередаваемый на письме язык.) Это самая большая ложь дурного начала! Нет радости большей, чем радость от изучения Торы! Нет радости большей, чем от идущей из сердца молитвы!

Подготовила: г-жа Адасса Швальб

Что делать для возвышения души?

Рав Берл Набутовский

К сожалению, для многих людей актуален вопрос: что нужно делать для возвышения душ ушедших от нас родных? Давайте в первую очередь рассмотрим, что говорят об этом классические источники.

В трактате Санедрин (104а) написано: «Сын может одарить отца». Это означает, что действия детей влияют на души их родителей. Это происходит и если родители живы, и если они уже умерли.

В комментариях на Талмуд часто используется высказывание «сын — это нога отца». Простой смысл этого выражения в том, что после смерти отца наследник в определенном смысле занимает его место с точки зрения всевозможных имущественных законов. Но есть и более глубокий смысл, который объясняет книга «Мидраш Талпиот». Находясь в этом мире, человек имеет возможность подниматься, расти в духовном плане, или наоборот, деградировать и опускаться. После смерти у его души нет этой возможности. Она может только пожинать плоды того, что он сделал при жизни. Если человек оставляет после себя потомство, то действия его детей влияют на статус его души. Таким образом, воспитав детей, человек обеспечивает себе возможность роста даже после смерти. Поэтому сын называется «ногой отца» — он становится средством для духовного роста отца в ситуации, когда у самого отца уже нет такой возможности.

Книга «Менорат а-Меор» (от имени «Мидраш Танхума») приводит следующую историю: «Вот, какой случай произошел с раби Акивой. Однажды он шел по кладбищу, и вдруг увидел какого-то угольщика, который был загружен и бежал как конь. Раби Акива вынудил его остановиться:

— Сын мой! Что заставляет тебя выполнять эту тяжелую работу? Если ты раб, и твой хозяин нагружает тебя тяжелой ношей, я выкуплю тебя и отпущу тебя на свободу. Если же ты нищий, то я помогу тебе разбогатеть.

— Оставь меня, господин мой, ибо я не могу остановиться!

Тогда спросил его:

— Кто ты, человек или дьявол?!

— Я умер, и каждый день меня заставляют рубить дрова, и сжигают меня в этом огне.

— Какой работой ты занимался при жизни? — спросил его раби Акива.

Тот ответил:

— Я был сборщиком налогов. Я делал одолжения богатым и убивал бедных. Кроме этого, я согрешил с молодой посвященной девушкой в Йом Кипур.

Спросил раби Акива:

— Сын мой, не слышал ли ты от тех, кто отвечает за тебя, что у тебя есть возможность исправить ситуацию?

— Пожалуйста, не задерживай меня, я боюсь пробудить гнев тех, кто наказывает меня. И нет у меня никакого способа исправить свое положение, ибо я ничего не слышал о возможности выкупить меня. Единственное, что мне сказали: если бы у тебя был сын, который мог бы вести общественную молитву и говорить: “Благословим Всевышнего, Благословенного”, то тебя освободили бы от наказания. Но у меня нет сына. Единственное, что мне известно, это то, что, когда я умер, моя жена была беременна, и я не знаю, родила она сына или дочь. И даже если она родила сына — кто научит его Торе?!

— Как тебя зовут? — спросил раби Акива.

— Акива, — ответил человек.

— А как зовут твою жену?

— Шушмира.

— Из какого ты города?

— Из Альдуки.

В этот момент раби Акиву охватила великая жалость к этому человеку. Он стал ходить из города в город, пока не нашел селение, где жил этот человек. Он стал спрашивать, где он, и где его дом. Ему сказали: “пусть изотрут его кости!” стал спрашивать о его жене. Ему сказали: “да сотрется имя ее, и пусть память о ней исчезнет!” Тогда стал интересоваться судьбой его сына. Ему сказали: “он необрезанный, ибо даже эту заповедь они не потрудились выполнить!”

Тогда раби Акива схватил его сына и посадил рядом с собой, чтобы обучать его Торе. Но тот не начал учиться, пока раби Акива не попостился за него в течение сорока дней.

Раздался голос с Небес и сказал: “Из-за этого человека ты постишься?!”

Раби Акива сказал: “Да!”

Тогда смог выучить азбуку. После этого раби Акива отвел его к себе домой и научил его произносить благословение после еды, “Крият Шма” и молиться. Раби Акива велел ему вести общественную молитву, и тот сказал: “Благословим Всевышнего, Благословенного”.

И тогда освободили от наказания. Он явился раби Акиве во сне и сказал ему: “Ты можешь быть спокоен, ибо ты спас меня от наказания в Аду!” Тогда сказал раби Акива (Теилим, 135:13): “Всевышний — имя Твое вечно, Всевышний — память о Тебе из рода в род”.

Книга «Зоар» добавляет, что после этого усопший пришел к раби Акиве и так сказал ему: «В тот момент, когда мой сын прочел Афтару [отрывок из книг пророков, который читают в Шаббат, в праздники и в общественные посты], мне облегчили наказание в Аду. Когда мой сын повел общественную молитву и произнес “Кадиш”, мое наказание полностью отменили. Когда же он приобрел мудрость и удостоился знаний Торы, я получил удел в Райском Саду».

Рав Моше Кордоверо написал в книге «Ор Якар»: «Когда у человека есть порядочный, благопристойный и праведный сын, который при жизни занимается выполнением заповедей, его отца в Высшем мире несметно вознаграждают светом, исходящим от заповедей, выполненных сыном. Благодаря сыну, отец наслаждается».

Основной вывод из всего, что приведено выше — достойное поведение детей является самой важной причиной для возвышения души их родителей. Конечно, особой заслугой для родителей является сын, который занимается изучением Торы, или дочь, которая помогает мужу и сыновьям, изучающим Тору. Но даже если у детей нет такой возможности, то каждая выполненная ими заповедь, каждое доброе слово, сказанное ими в нужный момент, каждая копейка, которую они пожертвуют на благотворительность, помогут душе их отца.

Что касается вдовы покойного, ее уникальная роль заключается в том, что она может оказать положительное влияние на детей покойного мужа. Это относится как к их общим детям, так и к его детям от другого брака. Если, благодаря ее влиянию, его дети приблизятся к Торе и станут лучше, — это самая большая услуга, которую вдова может оказать своему покойному мужу.

Кроме того, из этих и других источников можно выучить конкретные традиции, относящиеся

к людям, у которых умер кто-то из близких. Традиции, относящиеся к сыну усопшего, можно свести к следующему краткому списку:

1. Произносить «Кадиш» восемь раз в день в течение одиннадцати месяцев после похорон. Тот, кто молится в синагоге три раза в день, может произнести «Кадиш» восемь раз во время обычной молитвы. «Кадиш» может произносить даже несовершеннолетний сын. Что касается женщин и девочек, хотя и существует мнение, по которому они могут произносить эту молитву, мне неизвестна ни одна община, в которой бы так поступали.

2. Вести общественную молитву в течение одиннадцати месяцев после похорон.

3. Читать Афтару в течение того же времени. Само чтение Афтары из специального свитка или из книги — это дело кантора. Человек, которого вызывают на чтение Афтары, должен только произнести благословения до и после ее прочтения.

4. После трапезы, в которой трое или более взрослых мужчин ели хлеб, произносить приглашение к совместному благословию — «Зимун».

5. Изучать Мишну. В книге «Элеф а-Маген» написано, что изучение Мишны — это великое добро по отношению к покойному. Мудрецы Торы, благословенной памяти, говорили, что Ашер, сын нашего праотца Яакова, сидит у входа в Ад и спасает всякого, кто изучал книгу Мишны, а также того, для кого другие изучают Мишну. [Следует обратить внимание, что здесь также содержится хороший совет для живых: тому, кто в будущем хочет удостоиться вознесения своей собственной души, стоит учить Мишну. Совсем не обязательно полагаться в этом на своих потомков!] В книге «Тора Ор» написано, что изучение Мишны — это большее возвышение души, чем молитвы.

Что касается конкретного порядка изучения Мишны, существует несколько традиций. Одна из них — это в течение первого года после похорон учить каждый день одну главу, а также учить мишны 4–7 в седьмой главе трактата Микваот. Первые буквы этих мишнает образуют слово נשמה — «душа». После изучения Мишны принято жертвовать деньги на благотворительность.

Кроме того, есть традиция в течение года после похорон на исходе субботы изучать двадцать четвертую главу трактата Келим и седьмую главу трактата Микваот.

6. Автор книги «Йосеф Омец» пишет, что все упомянутые выше традиции по своей эффективности не могут сравниться с изучением Торы. Душу человека, сын которого изучает Тору, помещают в Райский Сад. А если сын открывает новое

истинное понимание Торы, то невозможно себе представить, какой великий почет при этом оказывают душе его отца. Аризалъ говорил, что истинные интерпретации Торы, к которым сын приходит в Шаббат, имеют особый эффект для души его покойных родителей.

В книге «Кав а-Йошар» написано, что человек, который удостоился выдать свою дочку замуж за мудреца Торы, получает в грядущем мире несколько венцов, каждый раз, когда его (или ее) зять открывает новое истинное понимание, связанное с изучением Торы.

Есть также вещи, которые может сделать не только сын, но и другие родственники покойного:

1. Конечно, усопшего следует похоронить на еврейском кладбище. Это чрезвычайно важно для души покойного. (Вскрытие после смерти, и тем более кремация, строжайше запрещены еврейским законом!)

2. В течение первой недели после похорон, принято зажигать специальную 170-часовую свечу в доме покойного, чтобы там всю неделю без перерыва горела свеча. А в годовщину смерти (т.н. «йорцайт») зажигают 24-часовую свечу. Конечно же, дата смерти определяется по еврейскому календарю.

3. На могиле покойного принято устанавливать памятную стелу. На ней обычно пишут имя покойного и еврейские даты его рождения и смерти. Некоторые также пишут несколько слов во славу похороненного. Еврейский закон запрещает делать статуи. Помещать на могилу портреты тоже не принято. Не принято также сажать цветы на могиле.

4. В определенные праздники родственники покойного должны произносить в синагоге специальную поминальную молитву «Изкор».

5. Если покойный не оставил после себя сына, который мог бы говорить за него «Кадиш», то его может произнести один из его родственников, например, внук, у которого нет хотя бы одного из родителей (говорить «Кадиш» при наличии живых родителей не принято). Можно также нанять человека, который будет говорить «Кадиш» за усопшего.

6. Как мы уже упоминали выше, изучение Мишны имеет особенно положительное влияние на душу умершего. Ее можно изучать самостоятельно, или заплатить другим за ее изучение. Чрезвычайно распространена традиция распределять всю Мишну (63 трактата) между разными людьми с тем, чтобы они закончили ее в течение месяца или в течение года после похорон. [В магазинах еврейской книги даже продаются специальные, разбитые на множество томов издания Мишны, рассчитанные на то, чтобы их раздали желающим изучать для возвышения души

умершего.] Если родственники покойного оплачивают изучение Мишны, это дает особые заслуги его душе.

7. Через неделю и через тридцать дней после похорон, а также в каждую годовщину смерти («Йорцайт») принято посещать могилу и произносить рядом с ней Теилим. [Существуют также специальные брошюры с молитвами, произносимыми на могиле.]

8. Любую заповедь и любое доброе дело можно посвятить возвышению души покойного.

9. Существует весьма распространенная и важная традиция давать деньги на благотворительность для возвышения души и в память о покойном.

Если Вы проедете по Иерусалиму, то увидите, что почти на каждом общественном здании, на каждой синагоге и ешиве, написано, в честь кого они были построены. Зайдя внутрь, Вы обнаружите, что на стене висит длинный список людей, для возвышения душ которых была куплена каждая деталь данного здания или данной организации. На ковчеге со свитком Торы обязательно будет написано, в честь кого его подарили.

Если Вы возьмете с полки книгу, то обнаружите, что в начале книги перечисляются имена людей, которые дали деньги на ее издание, чтобы оказать почет своим покойным родственникам.

Но все это — лишь часть тех средств, которые жертвуются во имя возвышения души. Основная масса пожертвований дается просто для поддержки изучения Торы и уходит на покупку крайне будничного, но совершенно необходимого хлеба для семей тех, кто посвятил себя ее изучению. Великий мудрец Торы, рав Исраэль Меир Каган, известный как Хафец Хаим, много раз говорил, что такого рода благотворительность является самым большим возвышением души умершего.

В Талмуде (например, см. Брахот, 17а) написано, что удел, который человек получает в Грядущем мире зависит в основном от того, что он вложил в изучение и распространение Торы. Если после своей смерти этот человек вдохновляет других на преумножение Торы в этом мире, то это тоже засчитывается ему в заслугу. Родственники, которые хотят помочь душе усопшего, должны взвесить, каким образом они могут наиболее эффективно вложить имеющиеся у них средства в дело изучения Торы.

Даже большие праведники и мудрецы просили, чтобы после их смерти их родственники, а также другие люди, жертвовали деньги для возвышения их душ.

(Что касается законов, связанных со скорбящими, они достаточно многочисленны. В рамках данного материала они не рассматриваются.)

«И построят Мне Храм»

Рав Шимшон Довид Пинкус

Храм — центральная тема Торы

Заключая союз с нашим праотцом Авраамом, Всевышний сказал ему: «Потомству твоему отдам эту страну» (Берешит, 12:7). Позже, когда Аврааму была дана заповедь обрезания, Всевышний заново заключил с ним союз, снова пообещав: «И дам тебе и потомству твоему после тебя страну твоего пребывания, всю страну Кнаан» (Берешит, 17:8).

Потом Всевышний дает обещание Ицхаку: «Ибо тебе и потомству твоему отдам Я все эти земли» (Берешит, 26:3). И Якову обещано Всевышним: «Землю, на которой ты лежишь, тебе отдам ее и потомству твоему» (Берешит, 28:13).

Далее, впервые открывшись Моше, Всевышний говорит ему: «И сошел Я спасти его [народ] из-под власти Египта и привести его из той страны в страну прекрасную и просторную... на место кнаанеев» (Шмот, 3:8)

Всевышний снова и снова обещает землю Израиля еврейскому народу. Это вызывает удивление: неужели земля Израиля для евреев — важнее всего?! Нам же с рождения внушили, что самое важное, что есть у еврейского народа — это святая Тора. В детстве мы пели: «Земля Израиля без Торы — как будто тело без души». Но в своих, приведенных выше, обещаниях Всевышний ни словом не упоминает святую Тору и заповеди, говоря лишь про землю Израиля!

Известно, что сердцем земли Израиля является Храм. Тема, которая в Торе обсуждается очень подробно, со всеми мельчайшими деталями, как при описании указаний Всевышнего, так и при описании их выполнения, — это строительство Мишкана — переносного Храма, который являлся прототипом Храма в земле Израиля.

В пророчестве Йешаяу сказано, что в будущем «будет свет Луны, как свет Солнца, а свет Солнца станет семикратным, как свет семи дней» (Йешаяу, 30:26). Согласно простому смыслу, под семью днями понимаются семь дней Творения. Рамбам

(Море Невухим, 2:29) трактует эти дни как семь дней освящения Храма (*ханукат а-Байит*) во времена царя Шломо (Мелахим I, 8:65). Книга Зоар (Берешит, 34а) трактует их как семь дней освящения переносного Храма. В любом случае, речь идет о радости завершения строительства места пребывания Всевышнего в этом мире.

Очевидно, что центральной темой Торы является земля Израиля и Храм. Всевышний обещает нашим святым праотцам землю Израиля. А для того, чтобы мы представили себе чудесный свет и огромную радость, которые ждут нас в будущем, Он приводит в качестве примера радость в час освящения здания Храма.

Чем же так важны и особенны для нас земля Израиля и Храм?

В Храме находит выражение любовь Всевышнего к Своему народу

Человек — существо говорящее. «И стал Адам душой живой» (Берешит, 2:7) Ункелос переводит как «И стал Адам душой говорящей». Святая книга Зоар (Берешит, 27а) объясняет, что под разговором имеется в виду разговор со Всевышним! Суть человека заключается в возможности связи со Всевышним.

А суть еврея заключается в возможности связи со Всевышним, основанной на любви!

Вершина связи Всевышнего с еврейским народом выражена в книге «Песнь песней», про которую сказали наши мудрецы (Трактат Ядаим, 3:5): «Весь мир ценен меньше, чем тот день, в который еврейскому народу была дарована “Песнь песней”. Все Писание — свято, а “Песнь песней” — это Святая Святых»!

В этой книге приводятся четыре эпитета, выражающие любовь Всевышнего к еврейскому народу: мать моя, сестра моя, дочь моя и супруга моя. Мудрецы рассказывают нам притчу про царя, у которого была единственная, горячо любимая дочь, он называл ее «дочь моя»,

и недостаточно было этого для выражения его любви, пока не стал называть ее «сестра моя» и «мать моя» (Шмуэль Раба, 82:5). Сущность еврейского народа — связь со Всевышним, основанная на любви.

И почему-то все эти эпитеты — женские. Мать, сестра, дочь... Не вспоминается тут ни отец, ни брат, ни сын! Это требует объяснения.

Говорит царь Шломо: «Будь ты мне братом,... встретил бы я тебя на улице и целовал бы...» (Шир а-Ширим, 8:1). Всевышний говорит еврейскому народу: «Будь ты мне братом...», для чего? Чтобы иметь возможность целоваться при всех!

И поясняет Виленский Гаон, что есть — братская любовь, которую, не стесняясь, выражают при всех. С братом можно целоваться прилюдно! Но есть скрытая любовь — любовь к матери, сестре, дочери, супруге. И только в будущем, когда исполнится сказанное: «Изолью Я дух Мой на всякую плоть» (Йоэль, 3:1), эту любовь можно будет выразить открыто.

Но до тех пор: «Поведу я тебя, приведу в дом матери моей» (Шир а-Ширим, 8:2). «Дом матери моей» — это Храм (Раши)! Сегодня эта любовь скрыта. И Храм — единственное место, где выражается любовь Всевышнего к еврейскому народу.

В мире тьмы, в мире зла, в мире, где происходят вещи, противоречащие духу Торы, Всевышний ждет: «И построят мне Храм, и буду Я обитать среди них», ждет, что мы построим Дом, в котором Он сможет встречаться с нами. В Храме, в Святой Святых, были *кэрувím*, выражающие любовь Всевышнего.

Именно это обещал Всевышний нашим святым праотцам — Аврааму, Ицхаку, Яакову и нашему учителю Моше! Он обещал землю Израиля, не имея в виду поля и виноградники. Жених с невестой говорят друг другу: «Мы вместе построим дом», понимая, что дом — это не что иное, как средство связи между ними. Храм — это средство связи со Всевышним, связи, основанной на святой Торе и соблюдении заповедей.

Шаббат — «частное владение»

Сегодня, когда Храм разрушен, у нас есть особенное время, когда мы можем уединиться со Всевышним. Это Шаббат.

Шаббат — время для связи со Всевышним. Несмотря на то, что у нас нет кознов, которые служат в Храме, нет левитов на помосте, в Шаббат у нас есть Менора, Стол, Жертвенник и Святая Святых.

Об уединении со Всевышним сказано: «Да не выйдет никто из места своего в день седьмой» (Шмот, 16:29), речь идет о запрете переносить вещи из одного владения в другое. И хотя этот запрет — последний из 39 Шаббатных запретов, именно с него начинается трактат Шаббат!

Ибо Шаббат по определению — это частное владение еврейского народа, в котором он уединяется с Создателем!

Рассмотрим это глубже.

Что мы должны делать в Шаббат? Ничего! «Отдыхать, как будто вся работа уже сделана» (Ялкут Шимони, Итро, 296). Наша единственная задача в Шаббат — быть наедине со Всевышним! Мы не работаем, не готовим, никуда не едем. Все, что от нас требуется: «Помни день Субботний, чтобы освятить его» — помни, что сейчас — Шаббат, что ты — наедине с Создателем!

На что это похоже?

Бабушка с дедушкой приезжают в гости. Все дети прыгают вокруг них, а вот маму не видно... Где мама? На кухне, печет пирог для дорогих гостей. Говорит ей дедушка: «Мы же не за пирогом приехали! Пирог у нас и дома есть. Мы приехали пообщаться с тобой! Иди сюда, посиди с нами!»

В Шаббат Всевышний говорит нам: «Мне не нужен пирог... Не делайте ничего, просто посидите со Мной!»

Есть много заповедей, которые можно выполнять и в частном владении, и в общественном, но только в частном владении у еврея есть возможность встретиться со Всевышним.

Женщина и частное владение

Когда злодей Билам «увидел, что входы в шатры не находятся друг напротив друга, чтобы не заглядывали в соседние шатры... — “И был на нем дух Б-га” — не захотел он проклинать их!» (Раши, Бемидбар, 24:2)

«Входы в шатры не находятся друг напротив друга» не только для того, чтобы не было возможности подглядывать в соседний шатер. Все намного глубже! Биламу открылась суть еврея, который находится в своем углу, в своем частном владении, где он уединяется со Всевышним в любви, и именно этот аспект так поразил его.

«Сказал раби Йоси: “Никогда не называл я свою жену женой..., а называл ее домом”» (Шаббат, 118б). Женщина символизирует собой дом. И так же говорят мудрецы: «Дом его — его жена» (Йома, 2а).

Еврейская женщина всегда олицетворяла собой частное владение. Закрытое место, где находятся лишь она и Всевышний. В последние двести

лет мир кардинально изменился, но с момента сотворения мира и до этого последнего времени, естественным положением вещей было: «Выходит человек для труда своего и для работы своей — до вечера» (Теилим, 104:23). Муж с утра расстается с женой и уходит покорять мир. Пашет, сеет, продает, плывет на корабле и тому подобное. А жена — дома. Муж покоряет мир, а жена его создает «частное владение». Уголок, в который не зайдет никто чужой. Тихий уголок, в котором еврей может встретиться со своим Создателем. Испокон веку это было предназначением женщины.

Частное владение — очень глубокое понятие. Есть целая система заповедей, которая направляет мужчину в течение двадцати четырех часов в сутки, а женщина от этих заповедей освобождена. Самое главное — это изучение Торы: «И трудись над ней днем и ночью», «Изучение Торы равноценно всем заповедям» — муж сидит и учится, а жена его переодевает младенца, и ей запрещено говорить о Торе, если рядом — грязный подгузник... Во время молитвы в Йом Кипур, когда муж ее находится в синагоге, она молится дома, роняя слезы, и занимается детьми...

Где место женщины в этой системе? Почему только мужчина должен накладывать тфилин на руку и на голову, привязывая слова «Шма» к сердцу и к мозгу? Почему только мужчина носит цицит («нить *тхелет* ассоциируется с морем, море — с небом, небо — с Престолом Всевышнего»? Почему только мужчина обязан слушать звуки шофара, разрывающие сердце («пробудитесь спящие ото сна»? Почему только мужчина должен сидеть в сукке, в объятиях Всевышнего?

Ответ на все эти вопросы содержится во фразе: «Возвеселимся и возрадуемся Тебе» (Шир а-Ширим, 1:4). Еврейская свадьба — это очень большая радость. И есть множество средств, чтобы пробудить эту радость. Оркестр, роскошный зал, шикарная трапеза. Все танцуют и веселятся, ликуют и шумят. А в стороне от этого веселья находится комната уединения жениха и невесты — частное владение, оторванное от шума и ликования, наполняющих все вокруг!

Задача мужчины — покорять мир, соблюдать заповеди, учить Тору, и он действительно это делает.

А женщина — частное владение. **Ее суть — тесная связь со Всевышним.** Ей не нужны дополнительные средства для установления этой связи. Ей не нужно накладывать тфилин, привязывая себя к Всевышнему, она и так привязана.

Она не должна надевать цицит, чтобы помнить о Всевышнем, она и так помнит. Ей нет необходимости заходить в сукку, чтобы очутиться в объятиях Всевышнего, она и так постоянно там находится. И Тору она не должна учить, чтобы установить связь со Всевышним, она все время на связи с Ним. Она — частное владение по сути своей!

Мужчина состоит из 248 органов, ведь на него возложено много обязанностей. А женщина сотворена всего из одного органа — из ребра. И у нее одна обязанность — быть на связи со Всевышним!

Женщина — дом, женщина — тесная связь. Она — венец всего. «Жена доблестная — венец мужу своему» (Мишлей, 12:4). **Женщина — венец! Женщина — корона!**

Первый дом учения для ребенка — материнская утроба, там он учит всю Тору. Потом он растет у мамы на руках, она кормит его в чистоте и святости. И только когда он может сам стоять, когда он отлучен от груди, отец берет его под свое покровительство. В первые два года жизни только мама может дать необходимые ему основы!

В нашем поколении пробита брешь в стенах святости

Мы живем в очень развитом поколении. Нынче не ездят на лошадях, а когда хотят обратиться к другу, живущему через дорогу, или к соседу сверху, не кричат, а звонят по телефону... Похоже, что ни одна отрасль не развилась в современном мире так, как средства связи и массовой информации!

Мы еще помним те «примитивные» времена, когда позвонить можно было только из дома... Сегодня все — мужчины, женщины и дети — болтают по телефону в любое время и в любом месте: в автобусе, посреди улицы и даже в синагоге! Радио, телевидение, компьютер с Интернетом — современное поколение прорвало границы частного владения! Ни минуты человек не находится в одиночестве, наедине с самим собой! Или он слушает магнитофон, или говорит по телефону... Границы прорваны, дом превратился в общественное владение.

Тора описывает нам, как выглядел Храм. Самым уединенным местом была Святая Святых. И это уединение было защищено четырьмя оградками. Снаружи — стена Храмовой горы, внутри нее — еще одна стена, затем — Храмовая стена шириной в шесть локтей! И дополнительная стена — вокруг Святой Святых!

Так мы должны охранять святость нашего еврейского дома — места встречи со Всевышним!

Следующее утверждение может показаться странным, но оно верно. Допустим, в доме имеется какой-то журнал, и его читают и сын — ешиботник, и дочка — ученица «Бейт Яаков». Речь не обязательно идет о бульварном журнале, это может быть просто журнал, освещающий недавние события в мире. На кого этот журнал оказывает более разрушающее действие — на сына или на дочку?

На первый взгляд кажется, что, конечно же, на сына, ведь «пренебрежение изучением Торы равносильно пренебрежению всеми заповедями»... Девочка ведь не должна учить Тору.

Однако я считаю, что для девочки гораздо важнее избегать чтения газет, чем для мальчика! Если мы задумаемся, в чем разница между мужчиной и женщиной, мы поймем, что именно в матери заключена суть еврейства. Отец работает над качеством еврейства, и для этого ему нужны специальные инструменты — цицит, тфилин, шофар, лулав и другие. Матери эти инструменты не нужны, она крепко привязана к Всевышнему. Она — дом! **Всевышний повелевает взять маму — сущность близости к Нему — и поместить ее в дом.** Она не может находиться на улице, ведь она — сущность еврейства.

Если юноша по недомыслию садится за журнал, у него потом есть возможность нейтрализовать влияние этого журнала, выучив лист Гемары, например. Но если его читает девушка, **она проникается его тщетностью, и таким образом теряет связь со Всевышним.** И как она сможет это нейтрализовать? У нее нет Торы, нет шофара, и цицит и тфилин у нее тоже нет.

Чистота еврейского дома, чистота души, чистота мысли — для женщин гораздо важнее, чем для мужчин. У мужчин есть Тора, а женщина — суть еврейства, она называется домом. И она — в доме с маленькими детьми.

И поскольку женщина строит дом, делая его еврейским, она освобождена от повелительных заповедей, которые привязаны к определенному времени. Но она обязана выполнять заповеди, отражающие суть еврейства, например, заповедь святого Шаббата! Раз в неделю еврей должен отбросить всю суетность этого мира, как будто этот мир для него совершенно не существует, и нет ничего, кроме Творца!

Заповедь Шаббата специально предназначена для женщины. Она печет шаббатный кугель, она варит шаббатный чолнт, и, самое главное,

она вносит в дом атмосферу Шаббата. Отец уходит в синагогу, а мама сидит дома, и в ее руках — возможность внести в дом дух святости, или, не дай Б-г, дух злословия или чуждых еврейскому дому вещей. Вернувшись из синагоги, папа поет Шаббатные песни, это замечательно. **Но кто создает в доме атмосферу святости Шаббата, кто создает суть еврейского дома? Мама!**

«Почему ты пришла на рынок?!»

Большая проблема современных девушек кроется в понятии «**мне скучно...**». Все стремятся к развлечениям, для которых в святом языке даже нет подходящего слова, и приходится пользоваться английским словом *кейф*.

Еврейский народ называется «народом, изнеженным удовольствиями». Мужчина получает удовольствие от выполнения заповедей, а женщина — непосредственно от связи со Всевышним! У женщины нет заповедей, и со времен дарования Торы на горе Синай, в течение трех тысяч лет, женщины сидели дома, и не нуждались ни в чем другом, ведь в их доме было присутствие Всевышнего.

Когда в Иерусалиме усилился голод, написано (Псикта, 27:6): «Еврейские женщины бродили по рынку, и, встречаясь, спрашивали друг друга: “Почему ты пришла сюда? Ты же никогда не ходила на рынок?”»

По простому смыслу, еврейские женщины не ходили на рынок из соображений скромности. Но истинная причина тому — гораздо глубже. Они не могли оставить дом, свой Храм. На рынке, в общественном владении, нет присутствия Всевышнего. **Счастье и содержание еврейской жизни — внутри дома.**

Сегодня, когда Храм разрушен, еврейские девушки ищут удовлетворение и смысл жизни на улице.

«Меч и книга»

Великий рав Хаим Соловейчик из Бриска в одном из своих писем объясняет, почему границы частного еврейского владения оказались прорваны: «Еще сто лет назад евреи были чистым и святым народом, цельным в своей вере, цельным в Б-гобоязненности и в соблюдении законов святой Торы... Но в последних поколениях появились новые писатели, прорвали границы и расшатали устои... Еврейский дом — разрушен и лишен былого величия...» (Собрание писем, стр. 50).

Что такое книга? Книга прошлых времен — это свиток, а свиток имеет форму буквы «т» (*vav*), которая играет роль соединительной буквы (как буква «и» в русском языке — *прим. пер.*). Большинство столбцов в свитке Торы начинаются с буквы «т». Это — буква, обеспечивающая связь.

Книга — это связь. Например, девятьсот лет назад жил еврей по имени Раши. И вот сейчас мы учим Пятикнижие и не понимаем, что там написано. Было бы хорошо, если бы Раши объяснил нам непонятное место. Но как он может это сделать, если он умер девятьсот лет тому назад? Мы можем связаться с Раши при помощи его книг.

Сказали наши мудрецы: «Меч и книга связанными спустились с Неба» (Ваикра Раба, 35:6). Мы получили Тору на горе Синай. Свиток Торы, который мы читаем в синагоге, связывает нас с дарованием Торы на горе Синай. Книга связывает Небо и Землю, книга связывает нас с ее автором, со святым Раши, с Абаей и Равой... Но, с другой стороны, книга, не дай Б-г, может связать нас со всей скверной этого мира! Еврейка, сидящая в своем доме, может быть на связи с низменной личностью из Вены! Каким образом? Читая книгу, написанную этим человеком!

Такие книги разрушили еврейский народ. *«Еще сто лет назад евреи были чистым и святым народом, цельным в своей вере, цельным в Б-гобоязненности и в соблюдении законов святой Торы... Но в последних поколениях появились новые писатели, прорвали границы и расшитали устои... Еврейский дом — разрушен и лишен былого величия»,* — пишет рав Хаим Брискер... На смену книгам Абаи и Равы, на смену книгам Раши пришли пустые книги, отрицающие Всевышнего, научные книги. Еврейская молодежь увлеченно читала их, разрушая облик еврейского народа! Еврейский дом, связь евреев со Всевышним, любовь между Всевышним и еврейским народом — все развалилось.

И когда книги разрушили еврейский народ, неся ущерб любви между Всевышним и евреями, пришел меч, пришла Катастрофа. У Всевышнего не было выбора, необходимо было уничтожить разрушенное здание и отстроить его заново!

Катастрофа была не только наказанием еврейскому народу, она была настоящим спасением для него! Здание еврейского народа было насквозь прогнившим, ничего не оставалось, как разрушить его до конца, чтобы была возможность построить на его месте новое здание! Катастрофа спасла связь евреев со Всевышним. Я слышал об этом от многих евреев, живших

до Катастрофы, и хорошо знавших ситуацию того времени. Они говорили, что если бы не Катастрофа, от еврейского народа ничего бы не осталось, не дай Б-г! Все прогнило! И лишь после Катастрофы началось возрождение еврейского народа и обновление связи евреев со Всевышним.

Взлеты и падения еврейского народа

История еврейского народа состоит из непрерывной череды взлетов и падений. Сначала мы были в Египте, опустившись до 49-й ступени нечистоты. Затем пришли десять египетских казней, которые были «семинаром по основам веры» для еврейского народа. Каждая казнь продолжалась три недели и имела одну-единственную цель: «Дабы знал ты, что Я — Б-г, Владыка Земли» (Шмот, 8:18), вплоть до казни первенцев, когда Всевышний лично открылся народу Израиля, и вывел их из Египта «рукою сильною».

И вот, евреи подходят к Ям Суф, и как будто забывают все, что учили, жалуюсь Моше: «Разве могил недостает в Египте, что ты взял нас умереть в пустыне?» (Шмот, 14:11). И что сделал Всевышний? Разверз перед ними море, и тогда «увидела рабыня на море то, чего не видел (пророк) Йехезкель» (Ялсут Шимони, Бешалах, 244).

Прошли через море, и снова — падение: «И возроптал народ на Моше, говоря: “Что мы будем пить?”» (Шмот, 15:24). Дошли до дарования Торы, когда Всевышний открыл перед ними все своды: «Тебе дано было видеть, что Г-сподь Б-г — Все сильный, нет другого, кроме Него» (Дварим, 4:35), «Лицом к лицу говорил Г-сподь Б-г с вами» (Дварим, 5:4). Но не прошло и сорока дней, как евреи сделали золотого тельца.

Как сказал царь Шломо: «Что было — то будет» (Козлет, 1:9). И мы видим это на протяжении всей истории еврейского народа, состоящей из взлетов и падений:

Во времена Первого Храма евреи начали заниматься идолопоклонством, Всевышний сдерживался, сдерживался и, в конце концов, разрушил Храм. Прошло семьдесят лет, Храм был отстроен заново. Снова согрешили евреи, и снова Храм был разрушен. Потом появилась философия, за ней — просвещение. И вот, в последнее время, уже после разрушительной Катастрофы, мы наблюдаем расцвет еврейства. В любой точке земного шара есть евреи, изучающие Тору. В Аргентине двести евреев изучают ежедневный лист Талмуда (*даф айоми*), для трехсот детей работает

хейдер. Во всех городах Америки люди сидят и учат Тору. Так оно и должно быть, после разрушения начинается расцвет.

Но, к сожалению, сегодня мы уже находимся в **периоде падения**. Это началось с «нейтральных» книг, которые, тем не менее, наносят ущерб. Мама возвращается домой такая уставшая, что у нее нет сил даже говорить. На кухне — все перевернуто, полная раковина посуды... Она обращается к старшей дочери: «Может быть, ты помоешь посуду?», а та увिलивает: «Сегодня — не моя очередь». Мама обращается к другой дочке, а та заявляет: «Я вчера мыла посуду!». Перепалки, ссоры. Мама вздыхает, говорит: «Ну и не делайте ничего! Сама справлюсь!» и подходит к раковине в надежде, что девочки все поняли, и теперь им очень стыдно, и, конечно, они сейчас же предложат ей свою помощь... Но у них и в мыслях этого нет — каждая погружена в свою книжку, глубоко переживая события выдуманной повести, которая полностью захватила все их эмоции... Нет ни мамы, ни посуды — ничего! Они находятся в другом мире, в мире чьих-то фантазий... Забывают о Всевышнем, забывают о еврействе. Границы частного владения прорваны.

Дальше — появились компьютеры, компьютерные игры. Казалось бы, найдено решение проблемы скучающих детей... Такой притягательный цветной мир... И мама говорит: «Я не могу лишиться этого моих детей, ведь иначе им будет скучно дома»... Мы попросту разорвали связь наших детей со Всевышним и привязали их... к компьютеру!

Следующее продвижение — видеодиски с фильмами. Злое начало не сразу предлагает что-то ужасное, сначала оно предлагает нам «чистые» фильмы... и прокладывает себе дорогу постепенно! Сегодня мы дошли до того, что в еврейских домах есть Интернет — носитель зла и вредитель, подобных которому еще не было! Идея Интернета — в том, что человек находится у себя дома, внутри своей Святой Святынь, закрытой со всех сторон, и при этом связан **со всей скверной, какая есть в мире!**

И мне известно несколько случаев, когда из-за Интернета разрушались семьи! Аврех при помощи Интернета немножко занялся бизнесом, заодно немножко поинтересовался другими темами, грязными и отвратительными, и, в конце концов, ушел из дома, бросив жену и детей... [*Прим. ред. Все это было сказано около 25 лет назад. Сегодня ситуация намного хуже.*]

Тут — книги, напротив — радио, в другой комнате — компьютер. Мы — очень гостеприимны, в наш дом заходят все, кто хочет... Все границы — прорваны.

Где наше частное владение? Где наш Храм? Где его ограда — одна внутри другой?

Женщина — хранительница дома

Сегодня мы — в состоянии войны! И если мы не будем стоять на страже, кто знает, к каким рекам крови и слез это приведет! Сколько еще детей нам надо потерять?! Сколько еще домов должно разрушиться, чтобы мы поняли, что необходимо охранять их?!

И обязанность стоять на страже дома в первую очередь возложена на женщину! Мужчина не до конца понимает значение частного владения. Он умеет действовать, генерировать энергию. Он знает, что такое Тора, что такое заповеди. Но все, что касается частного владения, привязанности и любви к Творцу, заложено в женщине, а не в мужчине.

Двести лет назад это все было в сохранности, пока не были пробиты стены, и тогда уже ни одному еврею не удалось спастись. Мы отстроили еврейский народ заново, но мы — снова в опасности! Почти в каждом доме есть компьютер, всевозможные книги... Потерян смысл «Шма, Исраэль», смысл еврейства, еврейского дома, Шаббата. Потеряно значение слова «еврей», потерян смысл фразы: «Уста его — сладость, и весь он — желанный! Таков возлюбленный мой и таков друг мой — Всевышний» (Шир а-Ширим, 5:16).

А душа ищет удовлетворения и удовольствия. Двадцать разных вкусов мороженого, разнообразные конфеты, пироги всех форм и размеров... Если бы мы не гонялись за такими удовольствиями, мы бы почувствовали вкус молитвы, Теилим, вкус еврейского дома.

Служение мужчины — совершенствуется. Кашерность мезузы и цицит сегодня намного выше, чем раньше. К тфилин предъявляются все более строгие требования. Мужчины сидят и учатся. Но привести избавление может только женщина, которая олицетворяет дом, частное владение. «Пусть Он целует меня поцелуями уст своих [*говорится о близости к Творцу*]» (Шир а-Ширим, 1:2).

И об этом сказали мудрецы: «Избавление приходит лишь в заслугу праведниц поколения» (Ялкупт Шимони, Рут, 606), потому что суть праведницы — охрана еврейского дома, Храма! И они приведут избавление.

Предназначение и огромная заслуга женщин — с Б-жьей помощью, привести окончательное избавление, вскорости, в наши дни!

Перевод: г-жа Хана Берман

Мамин дом

Рабанит Рут Цивьён

Взгляд на жизнь моей матери рабанит Батшевы Эстер Каневски (благословенной памяти), жены одного из руководителей нашего поколения гаона рава Хаима Каневского (да продлит Всевышний его годы!), на фоне истории предыдущих поколений.

Квартал Хазон Иш

Госпожа Ледерман

Рав Йехиэль Ледерман умер в пятницу, 27 сивана 5729 (1969) года. Похоронная процессия вышла из Бней-Брака в девять утра и направилась в Иерусалим. Это был длинный летний день, и вполне можно было успеть доехать до Иерусалима и вернуться обратно, однако дедушка Стайплер участвовал в проводах только в Бней-Браке и не поехал в Иерусалим, сказав: «Как я могу не проводить рава Йехиэля до места погребения? Но как я могу выехать за пределы города, в то время как вот-вот придет Шаббат?»

У Ледерманов не было детей, и после смерти мужа госпожа Ледерман осталась совсем одна. Кроме племянницы в Иерусалиме, у нее не было никаких родственников. Рав Берл Вайнтройб, живший с ней в одном доме, говорил в течение года Кадиш для возвышения души рава Йехиэля, и в день его смерти ездил с ней на кладбище. Но госпожа Ледерман нуждалась в постоянном общении и, само собой разумеется, выбрала для этой цели мою маму. С тех пор забота о госпоже Ледерман стала неотъемлемой частью жизни нашей семьи вообще и моей жизни в частности.

Папа сказал, что нехорошо, чтобы пожилая женщина ночевала одна, и мама упростила госпожу Ледерман позволить одной из девочек ночевать вместе с ней. Мама обосновала свою просьбу тем, что у нас маленькая квартира, а детей, не считая бы, много, и места на всех не хватает. Это, отчасти, было верно — действительно, квартира была маленькая и, действительно, детей было много, но теснота не мешала нам, и ночевать вне дома никому из нас не хотелось.

Госпожа Ледерман с радостью согласилась, но, понимая, что она делает нам одолжение, сочла

нужным выдвинуть свои условия... Например, отбой был в девять вечера, и не позже! Госпожа Ледерман привыкла рано вставать и молиться на восходе солнца, в первом миньяне. (После ее смерти в некрологах справедливо было замечено, что она всегда была в числе первых десяти молящихся, проходящих в синагогу.) Поэтому она рано ложилась и того же требовала от девочек, живущей с ней.

Помощь ближнему под маминым руководством

Сначала с госпожой Ледерман ночевала моя старшая сестра, будущая рабанит Хана Штейнман, благословенной памяти, а когда она вышла замуж, пришла моя очередь выполнять эту важную задачу, и я делала это в течение пяти лет, пока сама не вышла замуж! Жить с госпожой Ледерман было совсем не просто, и тому было несколько причин.

Во-первых, она всегда наглухо затворяла двери и окна, чтобы к ней не залезли воры, и летними ночами в квартире было ужасно душно. Лишь на рассвете, уходя на молитву, она открывала окно, и в комнату проникал приятный ветерок. Знойные летние ночи компенсировались зимними ночами. У госпожи Ледерман были большие подушки и громадные пуховые одеяла. Рано утром, перед уходом в синагогу, она укрывала меня сверху своим одеялом, чтобы я не мерзла.

Во-вторых, в квартире царил полумрак, так как госпожа Ледерман сэкономила электричество. Надо отметить, что эта экономия себя оправдала — на сбереженные деньги она купила и пожертвовала **восемь свитков Торы!**

В-третьих, общение между нами было затруднено, так как она говорила только на идиш, а я не очень хорошо им владела.

Была еще одна причина — в ее доме я чувствовала себя ужасно одиноко. Покинув веселый и шумный дом, я оказалась в полной тишине. Как-то мама рассказала мне: «Дождливыми ночами я не могла уснуть. Я знала, что в доме госпожи Ледерман грохочут старые окна, и переживала за свою перепуганную доченьку. Рано утром я спешила убедиться, что с ней в порядке...» (Лишь две ночи в году отличались от остальных — ночь

Шавуота и ночь Ошана Раба, в эти ночи голоса учащих в синагоге (*в эти праздники принято учиться всю ночь — прим. пер.*) проникали на второй этаж, и я уже не чувствовала себя такой одинокой...)

Короче, с какой стороны ни посмотреть, этот проект не доставлял мне никакого удовольствия, но мама не уставала повторять, что это — большая заповедь, которую я должна выполнять, чего бы мне это не стоило. Она говорила: «Люди вкладывают большие усилия ради выполнения заповедей — кто-то вкладывает большие деньги, кто-то — силы, кто-то — время, а тебе ничего не нужно делать, только спать с ней ночью, и каждую минуту ты выигрываешь еще одну заповедь!», и рассказывала, что она сама в юности ночевала у одинокой вдовы на матрасе, где было полно клопов...

Во время войны Судного дня я боялась там спать — вдруг будет сирена воздушной тревоги, и я из-за госпожи Ледерман не успею добежать до укрытия. Но и тогда мама была непреклонна. Она привела мне неопровержимый довод — если в обычное время я ночую с госпожой Ледерман, потому что ей страшно оставаться одной, то, тем более, я должна это делать сейчас, когда идет война. Мама проводила меня, немного посидела со мной и пообещала в случае, если будет сирена, прийти за мной. И действительно, когда однажды ночью прозвучала сирена, и все помчались в бомбоубежище, мама пошла за мной, и как раз в это время прозвучал сигнал отмены тревоги...

Моя сестра Дина — следующая на очереди

Даже моя помолвка и церемония обручения (*эрусин*) была подстроена под требования госпожи Ледерман... Я тогда была совсем юной. Обручение состоялось в доме моей сестры, рабанит Колодецки. Между прочим отмечу, что в этом приняло участие всего четверо мужчин с нашей стороны и четверо — со стороны жениха, включая его самого... На женской стороне было примерно такое же количество народу. (Когда заполняли традиционный бланк «тнаим» — условий между семьями жениха и невесты, возникла проблема — все приглашенные были близкими родственниками, и некого было взять в свидетели, которые бы подписали условия договора. Тогда дедушка Стайплер постановил: «Свидетели необходимы, чтобы не было обмана, но здесь мы не должны этого опасаться, достаточно подписи

сватов»...) [Это ни в коем случае не касается *кидушйн* — посвящения в жены под хупой. Там необходимы два кашерных свидетеля. Также необходимы свидетели при разводе.]

Какое-то время сидели и пели, а потом «общество разошлось по домам». И что делала я, свежеиспеченная невеста, после такого грандиозного события в своей жизни? Я заторопилась в дом госпожи Ледерман, чтобы успеть лечь в кровать до девяти часов вечера...

Когда я пришла, госпожа Ледерман уже спала, и только наутро я сообщила ей о своей помолвке. Я уже упоминала, что нам трудно было найти общий язык. Вот и тут я, вместо того чтобы сказать «*Их бин гэварн а калэ*» — «Я стала невестой», перепутала и сказала: «*Их бин гэбурн а калэ*» — «Я родилась невестой»... Госпожа Ледерман удивленно смотрела на меня, ничего не понимая, и только через какое-то время, когда выяснилась моя ошибка, мы обе расхохотались...

В последнюю ночь перед свадьбой я спала дома. Госпожа Ледерман решила, что в эту ночь я не должна спать у нее, чтобы у меня была возможность «проститься с домом». Так закончилось мое пятилетнее дежурство, которое я несла с двенадцати лет вплоть до свадьбы.

Обычно госпожа Ледерман не участвовала в празднествах, но ради меня она сделала исключение и пришла на мою свадьбу. Она подарила мне кубок, которым мы до сих пор пользуемся в ночь Песаха в качестве бокала для пророка Элиягу.

После моей свадьбы госпоже Ледерман не пришлось спать одной. Теперь с ней ночевала моя сестра Дина, которой было всего девять лет. Один раз, в период между помолвкой и свадьбой, я взяла Дину с собой к госпоже Ледерман, чтобы познакомить ее с местом ночлега. Ввиду отсутствия лишних спальных мест, нам с Диной пришлось спать в одной кровати.

Дина тоже рассказывает, что ей было непросто, особенно по Шаббатам, когда ночью в синагоге было пусто и темно, ведь никто там не учился. Мама нашла решение этой проблемы. В квартиру госпожи Ледерман принесли еще одну кровать, и по Шаббатам к Дине присоединялась наша сестра Браха.

Как-то в ночь Девятого ава Дине очень захотелось пить, и папа разрешил ей это, несмотря на то, что она уже была в том возрасте, когда понемногу начинают приучать детей поститься (*гиль хинух*). В доме госпожи Ледерман стояла крошечная тьма, и Дина боялась пойти на кухню.

За неимением другого выбора, ей пришлось пить воду, которую она приготовила себе для утреннего омовения рук...

Окруженная маминой заботой

Однажды ночью, уже будучи старенькой, госпожа Ледерман споткнулась и упала. Дина пыталась поднять ее, а потом позвала на помощь соседку, рабанит Вайнтройб, и маму. Госпожа Ледерман, сломав ногу, оказалась прикованной к кровати. С того момента в течение долгого времени она находилась у нас дома, окруженная маминой заботой. Из гмаха принесли специальную высокую кровать и поставили ее в салоне, практически полностью загородив проход.

Одна из соседок говорила мне: «Я присутствовала при том, как твоя мама ухаживала за госпожой Ледерман, когда она жила в вашей крохотной квартире. Можно было подумать, что она ухаживает за собственной матерью!»

(И до этого мама помогала госпоже Ледерман, чем могла. Иногда она посылала одну из нас пойти с ней по делам. Госпожа Ледерман, держась за нас, шла странной походкой — приставляя пятку одной ноги к носку другой, а мы шли рядом, краснея от смущения...)

Когда она вернулась домой, Дина обслуживала ее по ночам. Если госпожа Ледерман вставала ночью, Дина помогала ей слезть с кровати, сопровождала ее, и возвращала обратно в кровать. При этом Дина не чувствовала себя несчастной, ведь мама объяснила нам, насколько важна эта заповедь, и мы не сомневались, что именно так мы должны себя вести...

И все же Дина была еще совсем маленькой, было понятно, что госпоже Ледерман нужна более квалифицированная помощь. Так она переехала в дом престарелых. Конечно же, связь с ней не прервалась, мы ходили навещать ее каждый Шаббат.

«Ее благословения сбываются...»

После маминой смерти многие вспоминали, как Стайплер говорил, что ее благословения сбываются, но не многие знают, по какому поводу он это говорил. Это было сказано в связи с ее преданным уходом за госпожой Ледерман. Вот как это было:

Как-то мама плохо себя чувствовала, и послала моего брата, рава Авраама Йешаяу, попросить у дедушки благословение. Стайплер удивился: «Разве ей нужны мои благословения? Ее

собственные благословения производят на Небесах гораздо большее впечатление! Ведь она делает то, что я не могу делать, она держит у себя в доме престарелую госпожу Ледерман...»

Мой брат рассказал об этом папе, и с тех пор папа просил мамино благословение в разных ситуациях. Например, в ночь Шавуота он подошел к маме и говорил: «Я иду в синагогу учиться. Благослови меня, чтобы я не уснул». И мама сердечно благословляла его... Каждый год папа просил мамино благословение перед выпечкой мацы. Однажды возникло какое-то сомнение по поводу кашерности испеченной мацы, и папа связал это с тем, что в тот раз забыл попросить у мамы благословение...

Выгодная бережливость

Госпожа Ледерман была совершенно особенной женщиной из предыдущего поколения, во главе ее интересов всегда были вещи духовные. Она заботилась о синагоге, а также о ешивах и других учебных заведениях, в которых изучают Тору.

Как уже было сказано, она пожертвовала восемь свитков Торы, часть — синагоге «Ледерман», часть — ешиве Мир, так как она была знакома с равом Бейнушем Финкелем, главой ешивы Мир, жившем когда-то в Бней-Браке и молившемся в синагоге «Ледерман». Кроме того, она пожертвовала ешиве Мир свиток Теилим, написанный на пергаменте, чтобы по нему молились каждое утро (это было сделано по примеру госпожи Фридман, пожертвовавшей свиток Теилим синагоге «Ледерман», о чем будет рассказано дальше). Понятно, что покупка свитков Торы и Теилим совершалась через нас. Встречи с сойфером (писцом) происходили у нас дома, папа договаривался с ним, а госпожа Ледерман слушала их и принимала участие в разговоре. Свои сбережения она тоже хранила у папы, и он занимался всеми ее делами — она на него полностью полагалась.

Госпожа Ледерман была очень бережливой и ничего себе не покупала. Она копила деньги на покупку свитков Торы и на поддержку синагоги. Она носила очень старые, но хорошо сохранившиеся платья и покупала дешевую еду. Например, она не покупала курицу, вместо этого мясник специально для нее откладывал куриные сердечки, которые обычно выбрасываются, так как плохо влияют на память, она кашеровала их и ела. Папа отмечал, что сердечки нисколько не повредили госпоже Ледерман, и память ее не пострадала.

Продолжение следует
Перевод: г-жа Хана Берман

Сердечно поздравляем

р. Пинхаса Черторогова и его супругу
со свадьбой дочери **Сары** (Кирьят-Сефер)

р. Элияу Хайкина и его супругу
с бар-мицвой сына **Израэля Меира** (Иерусалим)

р. Пинхаса Черторогова и его супругу
с бар-мицвой сына **Моше** (Кирьят-Сефер)

р. Йосефа Хай Зарецкого и его супругу
с бар-мицвой сына **Йеуды**,
р. Льва и Ауву Лейзерсон
и г-жу **Геню Зарецкую**
с бар-мицвой внука (Кирьят-Сефер)

р. Малкиэля Скляра и его супругу
со свадьбой дочери **Хаи**
(Кирьят-Сефер)

р. Шимона Израэля Линова и его супругу
с рождением сына,

р. Александра Линова и его супругу
с рождением внука (Кирьят-Сефер — Бейт-Шемеш)

р. Якова Двира и его супругу
с рождением сына (Бейтар)

р. Давида Перельмана и его супругу
с бар-мицвой сына **Шмуэля**,

р. Марка и Галину Перельман с бар-мицвой внука,
доктора Орну Лиор с бар-мицвой внука
(Иерусалим — Холон)

р. Баруха Сивакса с окончанием
трактата Моэд Катан Вавилонского Талмуда
(Иерусалим)

Прием поздравлений по тел: +972 52 760 80 11

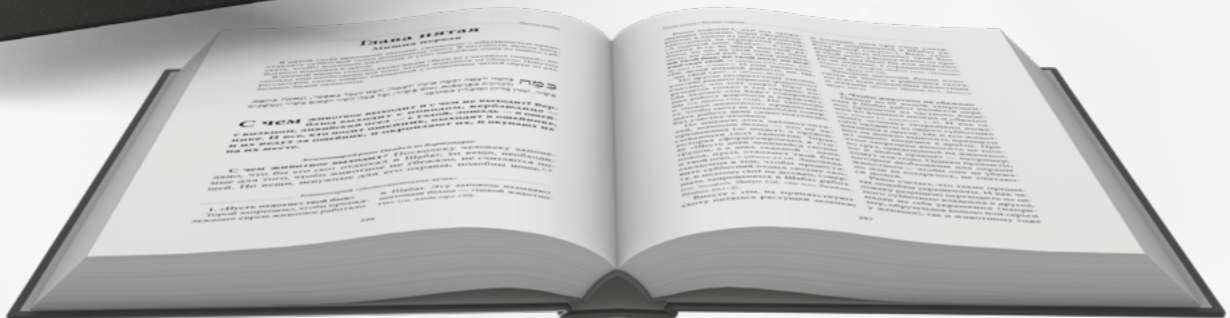
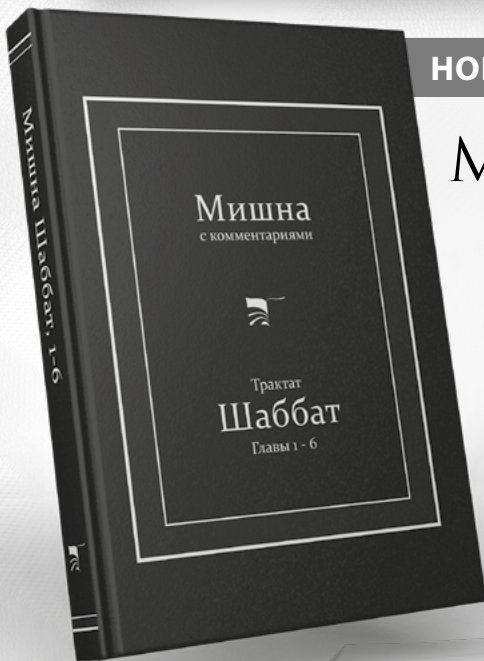
НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА «БЕЕРОТ ИЦХАК»!

МИШНА С КОММЕНТАРИЯМИ ТРАКТАТ ШАББАТ

Перевод и комментарий — рав Александр Кац, под редакцией рав Игаля Полищука!

- Текст Мишны с переводом и комментарием
рава Овадьи из Бартенуры
- Подробный дополнительный комментарий,
объясняющий классические тексты
- Законы Шаббата, актуальные для наших дней

Заказ по телефону: +972-26-74-3484 или info@beerot.ru или в магазинах еврейской книги